

Прежде чем ты уйдешь

Автор:

Клэр Свотмен

Прежде чем ты уйдешь

Клэр Свотмен

Зои и Эд живут в согласии друг с другом, их дом полная чаша, только вот детей им Бог не дал, хотя они страстно мечтают о них. Однако именно желание непременно завести ребенка приводит к конфликтам в семье. Внезапно Эд погибает в автокатастрофе, и Зои с болью осознает, насколько близким и родным человеком был для нее муж. Зои постоянно вспоминает о счастливых временах, об их первом поцелуе, обо всем, что они создали вместе.

И вот происходит чудо: Зои получает возможность заново прожить дни, которые, как ей кажется, были знаменательными в ее отношениях с мужем. Первое знакомство, первый поцелуй, свадьба... Зои не знает, сколько дней ей удастся провести с любимым, но надеется, что одно крошечное изменение в начале пути сможет повлиять на дальнейший ход событий. Вдруг ей удастся изменить будущее и спасти Эда...

Впервые на русском языке!

Клэр Свотмен

Прежде чем ты уйдешь

Clare Swatman

BEFORE YOU GO

Copyright © Clare Swatman, 2017

All rights reserved

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© О. Александрова, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2017

Издательство Иностранка

* * *

Посвящаю Тому, Джеку и Гарри

Пролог

29 июня 2013 года

Сегодня реально жаркий день, яркое солнце резко диссонирует с мрачным настроением Зои. Зои с бледным застывшим лицом вылезает из черного автомобиля и неверной походкой идет к низкому кирпичному зданию. Ее мать

Сандра спешит к ней на помощь и предусмотрительно подхватывает дочь под локоть.

Кучка людей – их тени выглядят гротескно на полуденном солнце – топчется справа от двери. Зои не может разглядеть присутствующих: на ослепительном солнце их фигуры кажутся смутными силуэтами; один или двое курят, пуская дрожащие облачка дыма в теплый летний воздух. Они смотрят на Зою, кто-то с трудом выдавливает приветственную улыбку. Но Зою ничего не замечает.

Оказавшись внутри, мать и дочь направляются на негнущихся ногах к переднему ряду. Сюзан, свекровь Зою, уже там. Глаза у нее красные, веки припухшие, несмотря на тщательно наложенный макияж. Когда мать и дочь садятся рядом, Сюзан встречает их вымученной улыбкой. Зою инстинктивно протягивает руку и сжимает лежащую на скамье ладонь свекрови.

За их спиной слышатся шарканье ног, сопение и приглушенные голоса рассаживающихся по местам участников скорбного мероприятия. Внимание Зою приковано к тому, что находится прямо перед глазами: к гробу Эда, установленному на столе в центре зала. Зою смотрит на этот с виду вполне безобидный деревянный ящик и не может поверить, что там лежит тело ее мужа, такое сильное, энергичное, живое. Нет, это абсолютно исключено.

И ужасно несправедливо.

Когда он умер, тоже стоял очень жаркий день. Зою носилась по квартире, запихивая в сумку самые разные вещи: лэптоп, ежедневник, яблоко, мобильный, диетическую колу, книжку, айпад.

– Еще немножко – и тебе понадобится вьючная лошадь, чтобы доставить все это на работу, – пробормотал Эд с зубной щеткой во рту. У него с подбородка свисала ниточка зубной пасты, капающей на пол.

– Эд, ради всего святого! – Зою закатила глаза.

Зою чувствовала, что медленно, но верно начинает накаляться. Конечно, подобная реакция была не слишком адекватной, ведь Эд просто пытался поднять Зою настроение, но это было выше ее сил. Она вошла в ванную, оторвала кусок туалетной бумаги и, наклонившись, принялась оттирать зубную

пасту. Ноготь застрял между половицами и сломался.

– Твою мать! – пробормотала она, чувствуя, как ярость, словно желчь, разъедает горло.

Она выпрямилась, распахнула дверцу шкафчика в ванной и принялась лихорадочно рыться в поисках маникюрных ножниц. Она опаздывала, Эд довел ее до белого каления, и ей хотелось побыстрее убраться из квартиры. Обнаружив искомый предмет, она отрезала висящий ноготь, швырнула ножницы обратно в шкафчик и с силой захлопнула дверцу.

Вернувшись из ванной, она увидела Эда, который, чтобы не путаться под ногами, затаился в гостиной. Хотя кто же его за это осудит?! Она была сама не своя в такие дни, непрошенный гнев клокотал внутри, в любую минуту грозя вырваться наружу. Однако понимать отнюдь не означало делать, а именно сдерживать ярость; причина в гормонах, она это знала. Вечно эти чертовы гормоны!

Открыв платяной шкаф, она принялась искать босоножки. И услышала приглушенный голос Эда, который что-то говорил ей из другой комнаты.

– Ну что еще?! – огрызнулась она, нагнув голову, чтобы лучше слышать.

Он появился в дверях, застегивая на ходу велосипедный шлем:

– Я уезжаю на работу. Увидимся позже.

– Пока.

Коротко и ясно. Она была не в том настроении, чтобы болтать, и муж это знал.

Он повернулся и ушел. Секундой позже хлопнула входная дверь. Зои услышала, как Эд снимает замок с велосипеда и катит прочь. Сердце на мгновение кольнуло чувство вины, но она отмахнулась и снова повернулась к шкафу.

Это было в последний раз, когда она видела его живым.

Однако новости она услышала уже позже. Все утро она просидела на переговорах, а когда вернулась к себе, то застала у своего письменного стола Олив, свою начальницу; лицо Олив было пепельным.

- Олив? Все в порядке? - удивилась Зои.

Олив не отвечала, и Зои забеспокоилась. Неужели она где-то напортачила? И теперь у нее проблемы?

- Пройдем со мной, - сказала Олив.

Ее голос звучал не сердито, не резко, а, скорее, успокаивающе, что еще больше озадачило Зои. Они вернулись в переговорную, откуда только что вышла Зои, Олив прикрыла за собой дверь.

- Садись. - Олив села и показала на соседний стул. - Пожалуйста. - (Зои выдвинула стул и нервно примостилась на самом краешке. У нее внезапно затряслись руки.) - Зои, я даже не знаю, как тебе об этом сказать, - без преамбулы начала Олив. - Произошел несчастный случай. Это Эд. Его сбил автобус.

Олив остановилась, и Зои задержала дыхание, с волнением ожидая продолжения, чтобы разом со всем покончить, но в то же время не желая слышать этих слов - не сейчас, не произнесенных вслух.

Осторожный стук в дверь нарушил ужасную тишину, Зои буквально подскочила на месте. Олив кинулась открывать. Зои повернулась в сторону двери - и мир рухнул.

На пороге стояли два офицера полиции. Спрашивали ее.

Вместо слов изо рта вырвался сдавленный всхлип. Она попыталась встать, но ноги подкосились, и она снова рухнула на стул. У нее дрожали руки, а когда в комнату вошла женщина - офицер полиции, Зои подняла глаза на Олив, словно умоляя ее сказать, что это ужасная, чудовищная ошибка. Но Олив отвела взгляд.

Зои посмотрела на туфли женщины-полицейского. Они были начищены до такого блеска, что от носков отражался свет встроенных потолочных светильников. И Зои представила, как эта женщина сегодня утром, собираясь на работу, стояла на кухне, надраивала туфли и думала о предстоящем дне. Приходило ли ей в голову, что уже сегодня, только чуть позже, ей придется сообщить кому-то о смерти мужа?

Зои упорно молчала, уставившись в пол.

– Зои? – послышался чей-то голос.

Она подняла взгляд. И увидела обращенные к ней лица трех человек, которые ждали, когда она скажет хоть слово.

– Я... Я... – Слова застревали в горле. Ей с трудом удалось выдать: – Где он?

Явно почувствовав облегчение, что можно наконец открыть рот, вперед выступил мужчина-полицейский.

– Его отвезли в «Роял фри». Мне очень жаль... но врачи реально не могли ничего сделать. – Он сделал паузу. – Если хотите, мы можем отвезти вас туда.

Зои оцепенело кивнула и поднялась с места. К ней тут же подскочила Олив, которой очень хотелось быть хоть в чем-то полезной.

– Милая, давай пойдём и соберём твои вещи. – Она услужливо взяла Зои под руку и повела к двери.

Оказавшись на своем рабочем месте, Зои сняла со спинки стула кардиган, наклонилась, чтобы поднять с пола сумку, и обшарила глазами стол – проверить, что ничего не забыла.

Затем они с Олив прошли за офицерами, и Олив помогла Зои сесть в полицейскую машину. Улица казалась странно притихшей. В глубине души Зои знала, что ей следует известить близких о том, что произошло, и, пока автомобиль медленно катил в сторону больницы, набрала знакомый номер. Джейн первая в списке. Ее лучшая подруга.

– Эй! – Джейн ответила после первого гудка. Ее голос, беспечный и жизнерадостный, звучал настолько неуместно, что Зои судорожно вздохнула. – Зо, что случилось?

– Эд... – прохрипела Зои, давясь словами. – Это Эд. Он... Произошел несчастный случай, и... – Она не смогла закончить. Она больше не могла вымолвить ни слова. Впрочем, ей и не нужно было.

– Твою мать, Зо! Ты где? Я еду.

– «Роял фри». – Голос Зои походил на шелест.

– Все, я уже в пути.

Зои закончила разговор как раз в тот момент, когда они подъехали к больнице. Все, звонить кому-то еще больше нет времени. Солнце спряталось за коричневым кирпичным зданием, его силуэт кажется каким-то странно готическим, особенно на фоне ярко-голубого неба. Зои вылезла из автомобиля. Ноги подкашивались, она оступилась, и женщина-офицер – жаль, что Зои не запомнила ее имени, – подхватила ее под руку. Женщины вместе направились к дверям, и, когда они закрылись за Зои, ей показалось, будто она попала в ад.

Ее подвели к ряду стульев в маленькой комнатке, затерянной в недрах больницы. Зои смотрела невидящими глазами на развешенные на стене постеры с предложением помощи при тяжелых утратах и депрессии, читала слова, но не понимала их сути. Попытки выбросить все мысли из головы обессилили ее. Затем, услышав знакомый голос, она подняла глаза – перед ней была Джейн. Джейн стремительно пересекла комнату, и вот они уже крепко обнимают друг друга, а Зои рыдает: судорожно дергаясь и отчаянно всхлипывая так, что кажется, вот-вот разорвется сердце.

– Он... Он умер, – давясь соплями и слезами, сказала она.

– Ох, Зои, Зои, Зои. – Джейн твердой рукой поглаживала любимую подругу по спине.

Они стояли обнявшись, пока рыдания Зои не стихли, а потом сели, не разнимая рук.

– Я так ужасно обошлась с ним сегодня утром, – отдышавшись, сказала Зои. – Ему было противно на меня смотреть. Джейн, он меня ненавидел.

– Зои, Эд не мог тебя ненавидеть. Ведь он тебя обожал и знал, что ты его любишь. Я тебя умоляю, выброси подобные мысли из головы.

– Но я на него злилась, а он не сделал ничего плохого. Я даже не попрощалась с ним, и вот теперь его не стало, а я уже не смогу сказать ему, как сильно его люблю. Слишком поздно. И что, черт возьми, мне теперь делать?!

Но Джейн не успела ответить, так как пришел доктор и их провели туда, где лежал Эд, – идентифицировать тело. Зои, точно во сне, слушала, как врач объяснял, что Эда сбил автобус, что у него не было ни единого шанса, что он умер еще по дороге в больницу. Слова «обширная травма мозга» и «мы ничего не могли сделать» не задерживаются у Зои в голове, ведь ей была непереносима сама мысль о том, что Эд страдал и мучился от боли. Все, о чем она могла думать, – это почему?! Почему она позволила ему уйти из дому, не успев сказать, что любит его? Если бы она задержала его хотя бы на пару минут в своих объятиях, он был бы сейчас жив и они могли бы все уладить; теперь она не сомневалась, что могли. Если бы она подвезла его на работу, чтобы ему не пришлось крутить педали, – ведь она ненавидела, когда он ездил на велосипеде, она всегда боялась, что его собьют и покалечат...

Но сейчас уже слишком поздно. Эд умер.

Господи, Эд умер!

Оцепеневшую, ее подвели к месту, где лежал Эд. Несмотря на ранения – его отмыли по мере возможности, однако на лице и на груди виднелись следы крови, – перед ней, без сомнения, был Эд, и ее захлестнуло непреодолимое желание прикоснуться к нему, обнять его, сказать, что все будет хорошо. Но она знала, что это невозможно. Поэтому она просто повернулась и пошла прочь, Джейн бережно поддерживала ее за плечи.

Следующие несколько часов прошли будто в тумане. Она до сих пор помнит, как какие-то люди приносили ей чай, обнимали ее, чтобы успокоить, помнила тархтение каталок за дверью комнаты для родственников, где она сидит. Затем приехала Сьюзан, мама Эда, и женщины крепко обнялись; их объединила скорбь, грозившая поглотить обеих.

И вот они снова рядом. Прошло всего десять дней, и это так больно, что Зои кажется, что она сейчас задохнется.

У нее из груди вырывается судорожный всхлип, и она поспешно прикрывает рот рукой, пытаясь собраться. Мать еще крепче сжимает ее ладонь.

Начинается церемония.

Зои сидит с сухими глазами, а священник тем временем говорит хорошие, добрые слова о ее муже.

Потом очередь Зои. Она не уверена, что способна выдержать эту крестную муку, но она обещала Сьюзан, и когда поднимается на кафедру с исчерканной каракулями бумажкой в руках и смотрит на лица людей, которые любили Эда и которые любят ее, то понимает, что просто обязана хоть что-то сказать. Зои делает шаг к микрофону:

– Я здесь набросала несколько слов, которые собиралась произнести, но сейчас сомневаюсь, что они самые правильные. – Ее голос на секунду прерывается, и Сандра вскакивает с места успокоить дочь, но Зои едва заметно качает головой и делает глубокий, судорожный вдох. – Последние пятнадцать лет Эд был моей вселенной, центром мироздания, и, если честно, жить в мире, где нет Эда, – для меня все равно что бесконечно брести по бескрайней пустыне. Полжизни осталось позади, и вот теперь его нет рядом. Все говорят, время лечит, но я не уверена, что хочу этого. Не хочу, чтобы воспоминания о нем, о нашей жизни вдвоем, развеялись без следа. Нет, я буду вечно хранить их в своем сердце, они помогут мне пережить черную полосу, которая, знаю, ждет меня впереди. – Зои делает паузу и смотрит на побелевшие костяшки лежащих на кафедре пальцев рук. – И я буду вечно сожалеть о словах, что сгоряча обронила, и о тех, что не успела сказать. Сожалеть о том, что нельзя повернуть время вспять. Ведь тогда я не совершила бы того, что сделала в день его смерти, и не повторила бы прежних ошибок. Но это невозможно, а потому я постараюсь сохранить память о

счастливых днях и забыть о плохих... – Зои на секунду замолкает, поднимает глаза и ловит взгляд Джейн – лицо подруги побледнело и осунулось, превратив ее в потускневшую версию прежней Джейн, – а затем продолжает: – Я надеюсь, что вы все сможете сделать то же самое. Вспоминать Эда с любовью. Я рада, что вы смогли прийти. Боюсь, без вас мне было бы не справиться. Спасибо вам... – И тут ее голос прерывается, по щекам текут слезы, и она торопится вернуться на место, в теплые материнские объятия.

Священник продолжает говорить, но Зои уже не воспринимает слов. И вот церемония закончена, гроб задергивают шторкой, звучит любимая песня Эда «Under My Thumb» группы «Роллинг стоунз».

– Нет! – кричит Зои.

Она отворачивается, закрывает лицо руками и дает волю слезам. А когда снова поднимает голову, Эда уже нет.

16 августа 2013 года

Зои, стоя у окна, трет виски, смотрит, как дождь ручьем стекает по грязному стеклу, и на душе становится еще тоскливее. Дождь вовсю барабанит по окну в такт тревожному стуку сердца, и Зои уже не разобрать, отчего помутнело стекло: то ли от капель дождя, то ли от слез.

За окном виднеется запущенный сад. Прошло меньше двух месяцев, но она уже позволила ему буйно разрастись, выйти из-под контроля. Головки роз в горшке поникли под собственной тяжестью; сорняки и чертополох победоносно заняли весь участок, деревянный настил замшел и стал скользким от переизбытка влаги. Зои на секунду закрывает глаза и представляет, как Эд, склонившись, работает в саду: сажает, подстригает, пропалывает. Крошечный клочок земли был для Эда источником радости и гордости, а также основным аргументом в пользу покупки именно этой квартиры. Да, Зои следовало лучше заботиться о растениях, но она до сих пор так и не смогла заставить себя выйти в сад, поскольку при мысли о том, что ей больше не суждено увидеть там Эда, начинало щемить сердце.

Она засовывает руку в карман кардигана и нащупывает пакетик из фольги. Смотрит на часы. Последнюю таблетку она приняла всего лишь два часа назад и теперь ощущает себя как-то неуверенно. Но ей это реально нужно. Антидепрессант. Ведь она в депрессии. Просто, как дважды два. Она кидает таблетку в рот и, давась, проглатывает без воды.

Отойдя от окна, она проходит на кухню и отпирает заднюю дверь. Ключ не слушается, ей приходится повозиться. Но вот наконец замок щелкает, Зои распахивает дверь и выходит наружу. Дождь льет с такой силой, что намокшие волосы моментально прилипают к лицу, но Зои не обращает внимания. Она идет по дорожке – гравий громко хрустит под ногами – и ступает на деревянный настил, наклоняется и выдергивает чертополох, не обращая внимания на царапающую кожу острые колючки. Кидает сорняк на землю, поворачивается – выдергивает следующий и снова бросает. В груди клокочет гнев, и Зои выдергивает один сорняк за другим, уже не понимая, что делает. Растения разлетаются по сторонам, цветы роняют лепестки. Зои вымещает ярость именно на том самом месте их дома, которое Эд любил больше всего. От этого точно не станет легче, но ей уже не остановиться.

Дождь продолжает барабанить по голове, мокрая одежда облепляет тело, но Зои не чувствует холода: она вообще ничего не чувствует. Наконец, когда уже больше нечего выдергивать, Зои поворачивается и переступает через рукотворную гору мокрой листвы; по бровям, по щекам, по губам течет вода. Зои ставит ногу на настил и собирается вернуться в дом, но нога подворачивается на сырой, скользкой поверхности и вместо этого делает выпад вперед. Она теряет равновесие, тело, как в замедленной съемке, откидывается назад; руки в попытке хоть за что-то зацепиться, лишь бы остановить падение, вращаются, точно крылья ветряной мельницы. Но Зои понимает, что хватается за воздух, и, когда она падает на мокрую землю, желудок оказывается где-то в районе горла. Зои кажется, что она кричит, хотя, может, и нет; ее голова врезается в керамический горшок для цветов, подпрыгивает и с тошнотворным глухим стуком ударяется о землю. Боль ужасная, но очень скоро Зои теряет сознание, и ее обволакивает чернота.

Глава 1

18 сентября 1993 года

Очнувшись, но продолжая лежать с закрытыми глазами, я начинаю понимать, что все неуловимо изменилось. И пока мой мозг отчаянно пытается осознать суть происходящего, в голове мелькает сумасшедшая мысль: а что, если это все просто ночной кошмар и Эд в результате не умер? Но потом я вспоминаю произошедшее, у меня начинаются спазмы в животе, мускулы сжимаются, я чувствую, как тоненькая нить, удерживающая меня на земле, опасно натягивается, грозя в любой момент оборваться.

Тогда что, собственно, сейчас может быть по-другому?

Даже с закрытыми глазами я знаю, что комната залита светом, и для начала это уже довольно странно. Я люблю, чтобы в комнате было темно. Могла ли я забыть опустить прошлой ночью жалюзи? Вполне возможно. Но у меня возникает ощущение, что тут определенно нечто большее.

А потом что-то всплывает в мозгу. Очень неотчетливо, словно в голове притаилось смутное воспоминание, стремящееся ускользнуть. Я была в саду. Шел дождь, я выдергивала сорняки, судорожно, отчаянно. Это я помню. Вот, пожалуй, и все. Дальше – провал в памяти. Чистый лист с точками отдельных отчетливых образов: падение, головная боль, розы, лицо Джейн, яркий свет флуоресцентных ламп... и пустота.

Могла ли я оказаться в больнице? Вполне возможно. Я упала, ударилась головой и теперь лежу здесь, на больничной кровати, уже в безопасности.

Что не лишено смысла, хотя, на мой взгляд, вовсе не это обстоятельство делает сегодняшний день отличным от других.

С минуту я лежу с закрытыми глазами, внимательно прислушиваясь к окружающим меня звукам. Я слышу гул радиатора, словно только что включили отопление. Слышу отдаленное бормотание радио и шум, похожий на гроыхание посуды на кухне, жужжание электронагревателя для душа, чей-то свист. Звуки привычные, но не совсем, и совершенно не типичные для больницы.

Наконец я делаю попытку разлепить глаза, и расплывчатая картина мира вокруг приобретает более четкие очертания. Я вижу белый потолок в завитушках и полукружьях, совсем как потолок в спальне моего детства. Странно, я уже много

лет не видела этого рисунка. Там даже есть едва заметная розовая отметина, точь-в-точь такая же, как на потолке комнаты моего детства, появившаяся, когда я швырнула в сестру губную помаду и промахнулась. Я озадаченно качаю головой. Серый абажур светильника в центре потолка мне тоже знаком; он усиленно дергает за ниточки моей памяти, точно малыш, который тянет меня за пальто, настойчиво требуя внимания, настойчиво требуя возвращения воспоминаний.

Я перевожу взгляд направо. Там стоит обклеенный стикерами комод, сосновый, на комодe – зеркало в раме из электрических лампочек. На столешнице никаких туалетных принадлежностей, но все до боли знакомо, и у меня перехватывает дух.

Я сажусь на постели, сердце колотится как сумасшедшее. И трудно дышать.

Мне страшно продолжать осмотр комнаты, но ничего не поделаешь – надо. Повернув голову, я вижу сосновый платяной шкаф, который, впрочем, и ожидала увидеть: дверца распахнута, внутри ряд пустых вешалок. Перед шкафом – черный чемодан и картонная коробка с надписью «Вещи Зои», нацарапанной черным маркером, и улыбающаяся рожица с высунутым языком. На картонной коробке стоит ящик из-под вина, на котором напечатано «Трешерс», ящик обклеен белым скотчем с многократно повторяющимся словом «Осторожно!», выведенным ярко-красными буквами. Даже не глядя, я знаю, что там упакованы мои бесценные CD-диски, которые я с любовью отобрала накануне ночью.

Я обвожу глазами комнату. На двери – пустой крючок, на котором, по идее, должен висеть мой халат; на полу лежит старый CD-плеер, обернутый пузырчатой пленкой; на письменном столе ни бумаг, ни ручек, только одинокий горшочек с парочкой тупых карандашей и маркером без колпачка. Это моя старая спальня, и выглядит она именно так, как в тот день, когда я уезжала в университет.

Сердце по-прежнему тревожно стучит, и я глубоко дышу, чтобы хоть как-то унять сердцебиение. Мне не о чем беспокоиться, это просто сон. Игры разума. Продолжай спать, а когда ты проснешься, все будет нормально, что бы там ни считалось нормальным.

Я кладу голову на подушку, закрываю глаза. Но искушение слишком велико, и когда я снова украдкой оглядываю комнату, то понимаю, что ничего не изменилось.

Какого черта со мной происходит?

Я откидываю одеяло, вылезая из кровати, осторожно шлепаю к зеркалу на комод. В зеркале отражаются пижамные шорты и майка – эту пижаму я не носила уже лет восемнадцать. Не знаю, готова ли я увидеть то, что меня ожидает, и тем не менее я усаживаюсь на край пуфика и бросаю нерешительный взгляд в зеркало.

У меня перехватывает дыхание. Нет, не потому, что это что-то ужасное. Это я, Зои. Но не тридцативосьмилетняя Зои, с привычными синяками под глазами, «гусиными лапками» и «хмурой» морщиной на лбу. Нет, я вижу восемнадцатилетнюю Зои, с розовыми щечками, без морщин – под глазами размазаны черные тени, как у Элиса Купера. Волосы, выкрашенные в странный красно-фиолетовый цвет, торчат во все стороны смешными рожками. Трясущейся рукой я приглаживаю волосы и хмурюсь. Однако на лбу не появляется ни морщин, ни вздутых вен; нет, лоб остается совершенно гладким.

Я хохочу во все горло. И подпрыгиваю от неожиданности. Ведь я уже давно не слышала своего громкого смеха. Но сейчас он вполне уместен, поскольку все это нелепо до невозможности.

Как такое может быть?

И я подумываю о том, чтобы вернуться в кровать, накрыть голову подушкой и притвориться, будто ничего не происходит. И все же мне любопытно. Да, я напугана и озадачена, но мне любопытно узнать, что еще может произойти. Так как, по правде говоря, я знаю, что все это не просто сон. Другой вопрос, откуда я это знаю, но сейчас это не важно. Все кажется очень реальным. Словно я реально здесь, как бы безумно это ни звучало.

Однако я понятия не имею, как быть дальше. Что надо делать, если, проснувшись, вы оказываетесь в прошлой жизни? Имеется ли на этот случай какой-нибудь информационный листок или свод правил? И как долго придется находиться в прошлом до момента возвращения в настоящее? День, неделю,

месяц? Вечность? Эта мысль приводит меня в дрожь.

Я встаю. В ногах валяется ворох одежды, которую я успела измять, лягаясь во сне. А ведь я прекрасно помню, как бесконечно долго выбирала наряд для своего первого дня в университете. Я переезжала в Ньюкасл и была приятно взволнована. И конечно, напугана, но в основном приятно взволнована.

– Жду не дождусь, чтобы поскорее отсюда уехать, – сказала я своей лучшей подруге Эми.

Хотя, в сущности, это было бравадой. Положа руку на сердце, я любила наш дом в Донкастере. Мне нравилось жить с мамой, папой и младшей сестренкой Беки. Да, я периодически ныла, само собой разумеется. Но я понимала, что мама с папой любят меня. Единственное, в чем я была абсолютно уверена. А в Ньюкасле я никого не знала, переезд туда должен был стать для меня крутым поворотом. Сейчас даже трудно поверить, что я могла быть такой маленькой испуганной девочкой.

Я снимаю пижамные шорты и натягиваю на себя одежду, лежащую на кровати: колготки в черно-белую полоску, приталенное черное платье, очень короткое, растянутый, бесформенный кардиган. Придирчиво оглядываю себя. Странно, но сидит замечательно.

Я бросаю взгляд на прикроватный столик в поисках мобильного. И неодобрительно цокаю языком. (Интересно, а в своем сне я тоже цокаю языком?) Я улыбаюсь, представив, как глупо выгляжу со стороны. Это ведь 1993 год. А в 1993-м у меня еще не было мобильного. Ни у кого не было, если не считать бизнесменов, с их увесистыми, нелепыми кирпичами, прижатыми к уху. И тут на моих радиочасах высвечивается время: 8:10.

Я спускаюсь вниз – посмотреть, что происходит.

Помню, мама как-то сказала мне, что, когда я уехала в университет, она рыдала три дня подряд. Я ей не поверила. Она отнюдь не была плаксой, моя мама: она вертелась как белка в колесе, ухаживая за нами, и времени на капризы у нее не оставалось. Да и вообще, это было совершенно не в ее стиле.

Оказавшись внизу, я заглядываю в приоткрытую дверь на кухню и незаметно для мамы минутой-другую наблюдаю за ней. Она выглядит очень молодо, ее волосы не седые, а темно-каштановые. Она стала стройнее, и на ней блузка, а вовсе не один из бесконечных джемперов от «Маркса энд Спенсера», которые она сейчас предпочитает носить. Она кажется безумно красивой. Я уже и забыла, когда она была такой. Где-то за ее спиной монотонно бубнит радио. Мама одной рукой вынимает тарелки и кастрюли из посудомойки, а другой время от времени вытирает глаза бумажным носовым платком. И я неожиданно чувствую, как сердце переполняется любовью к ней.

Но тут Беки с шумом скатывается с лестницы и разрушает чары.

– Ну и с какого перепугу ты здесь стоишь? – спрашивает она.

Я смотрю на нее во все глаза не в силах заговорить. Ведь каждый раз при виде Беки я не перестаю удивляться, какой у нее взрослый вид. Так как она на четыре года моложе меня, я всегда относилась к ней как к своей маленькой сестричке, и видеть ее по-настоящему взрослой женщиной всякий раз становилось для меня настоящим потрясением. Но прямо сейчас передо мной именно та Беки, которую я рисую в воображении.

К тому же это, конечно, еще и кое-что доказывает: Беки меня видит, а значит, все происходит наяву.

Не дожидаясь ответа, Беки проносится мимо меня на кухню.

– Мама, где моя хоккейная форма?! – кричит она.

– Вон там, милая, – встрепенувшись, отвечает мама и показывает на аккуратную стопку выглаженной одежды на кухонном прилавке.

Господи помилуй, моя мама просто святая!

Потом мама замечает меня и выдавливает слабую улыбку:

– Привет, дорогая! Мы готовы, да?

Итак, мама меня тоже видит. Хорошо. Я делаю глубокий вдох и неуверенно улыбаюсь. При обычных обстоятельствах я сказала бы что-нибудь легкомысленное, типа: «Сплю и вижу, как бы поскорее отсюда убраться». Но сейчас на это у меня не хватает духа. Ведь я своими глазами видела, какой расстроенной она была еще минуту назад.

– Да, все уже упаковано. – И тут я замечаю, что у мамы припухли глаза.

Повинуясь порыву, я обнимаю ее. Она, похоже, немного удивлена, а потому только через пару секунд раскрывает ответные объятия. И, вдохнув знакомый аромат ландышевого мыла, я чувствую приступ ностальгии по прежней простой и незамысловатой жизни. Вот если бы всегда жить тихо и спокойно, как сейчас! Вот если бы всегда думать лишь об отъезде из дому, что я хочу на завтрак и как завести новых друзей.

Отстранившись, я замечаю, что мама недоуменно хмурится. Она, должно быть, удивляется, с чего вдруг мне вздумалось ее обнимать. Ведь Зои в подростковом возрасте никогда так себя не вела – она была слишком занята собой и своими переживаниями, чтобы заметить мамины слезы; более того, та, прежняя Зои скорее проигнорировала бы маму и устроила бы бардак на ее идеально чистой кухоньке, чем полезла бы обниматься.

Да, похоже, вести себя, как подросток, очень нелегко. Ведь я уже совсем другой человек. И тем не менее придется постараться.

Я подхожу к раковине налить воду в чайник.

– Чаю? – спрашиваю я, ни к кому не обращаясь.

– Да, будь добра, милая.

– Угу, – бормочет Беки.

Она стоит возле кухонного шкафчика с хлопьями и жадно закидывает их в рот прямо из коробки, словно только что вернулась с голодного острова.

Я включаю чайник, сажусь за стол и жду, когда вода закипит.

– А где папа? – Я безумно хочу его снова увидеть.

– Ой, он на секундочку вышел за газетой. – Мама рисует в воздухе воображаемые кавычки.

Мы все знаем, что выражение «папа вышел за газетой» означает, что он решил втихаря выкурить сигаретку. А когда папа возвращается, прокуренный, карман его рубашки предательски оттопыривается от лежащей там пачки сигарет, однако мы все притворяемся, будто ни о чем не догадываемся, а он делает вид, будто в это верит. И к чему такие сложности?! Не понимаю. Я закатываю глаза и смотрю, как мама снова начинает суетиться. Она выдвигает ящики, стирает воображаемые пятна со столешницы, наклоняется, чтобы поднять рассыпанные Беки хлопья.

– Не надо за ней убирать. Она уже большая девочка и сама вполне способна это сделать. – Я киваю на дорожку из хлопьев, которую Беки оставляет за собой, совсем как Гензель и Гретель.

– Заткнись! – приходит в ярость Беки.

– Ничего страшного, милая. Я не против. Ведь мне все равно убирать.

– Но... – начинаю я и останавливаюсь.

Невыносимо видеть, что с мамой обращаются как с прислугой, но в свое время я сама вела себя точно так же, поэтому, пожалуй, стоит прикусить язык. Я встаю и разливаю чай, добавляю в чашки молоко, подсластитель для мамы, один кусочек сахара для Беки, себе – ничего.

– Милая, ты будешь завтракать?

У меня болит голова, я осторожно тру виски.

– Нет, спасибо. Я, наверное, выпью чай у себя наверху, а заодно закончу собираться.

– Хорошо. Увидимся позже. Но только не задерживайся, твой папа хочет выехать пораньше.

Кивнув, я поднимаюсь наверх и ставлю чашку с чаем на пол возле кровати. И снова ложусь. Мне необходимо секунду подумать.

Не уверена, удастся ли мне полностью досмотреть продолжение сегодняшнего дня, но это так странно, когда знаешь, что будет дальше. Через пару часов мы с папой и мамой уложим мои немногочисленные пожитки в машину, помашем на прощание Беки, которой разрешили остаться дома, чтобы не пропускать хоккейную тренировку и ланч в городе с друзьями; затем мы прибудем в Ньюкасл, и мое сердце будет колотиться от ужаса, когда мы поедем по незнакомым улицам. А подъехав к моему новому дому, мы разгрузим машину, и я впервые в жизни останусь сама по себе – только я и мои новые соседи.

На этом месте я словно получаю удар под дых, настолько сильный, что становится трудно дышать. Поверить не могу, что мне понадобилось столько времени, чтобы вспомнить.

В тот день – самый реальный день – я впервые увидела Эда. Моего Эда, которого я оплакивала последние два месяца. Эда, чья смерть сломала меня, оставив потерянной и обозленной.

Я перекатываюсь на бок, прижимая руки к животу и судорожно хватая ртом воздух.

Неужели это значит... Мне страшно даже сформулировать мысль...

Неужели это значит, что после двух месяцев скорби по Эду, после двух месяцев жизни с разбитым сердцем, двух месяцев отчаянных желаний потрогать щетину у него на подбородке, обвить руками загорелую шею и прижаться к нему всем телом, у меня появится шанс снова увидеть Эда?

Похоже, я вот-вот потеряю сознание.

В это трудно поверить, и тем не менее я не могу дождаться.

Равномерное покачивание машины усыпляет меня, потому что, когда я открываю глаза, папа, оказывается, уже успел припарковаться. Мама с улыбкой поворачивается ко мне с переднего сиденья, и я оказываюсь в 1993 году, и у меня все хорошо, и я улыбаюсь маме в ответ.

А потом я вспоминаю и снова начинаю задыхаться.

- Милая, ты в порядке? Ты ужасно побледнела.

Я выпрямляюсь, вытираю ниточку слюны в уголке рта.

- Да, просто немного задремала. Извини.

- Это меняет дело, - хмыкает папа.

- Джон, оставь ее в покое.

- Что? Она ведь еще подросток, а подростки всегда такие. - Папа кивает в сторону окна. - Посмотри, вот твой новый дом.

Я бросаю осторожный взгляд на маленький домик с террасой, в котором буду жить весь следующий год. Дом я знаю как свои пять пальцев, и эта мысль вызывает у меня улыбку.

Обшарпанная дверь открыта, оттуда выходит женщина средних лет и спешит к нам навстречу.

- Привет... э-э-э? - С теплой улыбкой она протягивает папе руку.

- Джон. - Папа отвечает ей крепким рукопожатием. - Джон Морган. А это моя жена Сандра.

Они жмут друг другу руки, и женщина поворачивается ко мне:

- Итак, ты, должно быть, Зои. Я мама Джейн. Кара. Очень рада тебя видеть.

– Здравствуйте, – бормочу я, стараясь не показывать, что уже знаю, кто она такая.

Мы заносим вещи внутрь и оставляем их в ближайшей комнате, в которой оказываемся.

– Сейчас найду чайник. – Мама сдирает скотч с одной из коробок.

– Не надо. Я уже приготовила чай. – Кара ведет нас на кухню.

И пока мама с папой болтают с Карой, я прокрадываюсь наверх, чтобы осмотреться. А когда вхожу во вторую комнату, у меня перехватывает дыхание. Какая-то девушка, стоя спиной ко мне, аккуратно вешает джинсы в шкаф. Я вижу знакомые белокурые волосы, собранные на затылке в конский хвост. Она оборачивается посмотреть, кто там пришел; ее юное хорошенькое личико расплывается в широкой улыбке.

– Привет, я Джейн. Ты, должно быть, Зои. Заходи. Присаживайся. Ой, если, конечно, найдешь куда.

Она отодвигает в сторону ворох одежды, чтобы освободить мне место, я сажусь и пытаюсь сообразить, что можно сказать человеку, которого знаю как облупленного, но с которым, по идее, встречаюсь впервые. Боже, как жаль, что для таких случаев нет специального руководства, оно бы мне сейчас здорово пригодилось.

– Очень приятно, что мы наконец смогли познакомиться. – Я осторожно усаживаюсь на край ее односпальной кровати.

– Мне тоже. Я надеялась, что ты приедешь первой.

Отлично. Все идет своим чередом. И пока никаких посторонних. Я оглядываю комнату и улыбаюсь:

– Похоже, кроме нас, девочек тут больше нет. Интересно, а когда приедут остальные?

Она пожимает плечами:

– А бог его знает. Будем надеяться, что они не окажутся убийцами с топором. – Она подмигивает, я ухмыляюсь в ответ, нервный спазм в животе постепенно проходит. Это Джейн, моя лучшая подруга, с которой мы дружим почти двадцать лет. Так что не о чем беспокоиться. – Ты, случайно, не помнишь, как их зовут? Этих мальчиков.

– Роб, Саймон и Эд, – слишком быстро выпаливаю я.

На последнем имени мой голос слегка дрожит, и улыбка Джейн увядает. Однако через пару секунд Джейн снова широко улыбается:

– Интересно, а нам удастся кого-нибудь из них подцепить? Ну, ты знаешь, я об этих романах с соседями по дому, которые хорошо начинаются, но плохо кончаются. А потом ты целый год страдаешь и чувствуешь себя неловко. Но без романа уж точно не обойдется, разве нет? По-моему, это закон жизни.

– Угу, непременно. – Я чувствую, как горит лицо.

Несмотря на отсутствие у меня энтузиазма, Джейн садится рядом со мной на кровать и продолжает:

– Конечно, мой вопрос покажется тебе ужасно тривиальным, но хотелось бы узнать, что ты будешь изучать? Лично я – театральное искусство. Мама с папой хотели, чтобы я занялась чем-то более стоящим, но у меня мозгов не хватает. В любом случае, думаю, будет весело.

– Французский и маркетинг. – Звучит убийственно скучно, и я уточняю для ясности: – Иностраный язык всегда пригодится, ну а кроме того, нужно приобрести специальность. – Я небрежно пожимаю плечами.

– Ух ты! Девушка с амбициями. Мне нравится. – Она берет из кипы одежды свитер и начинает аккуратно складывать. – Ну а что еще? Как насчет музыки, кино, хобби? Парней? А ты не скрытая лесбиянка? Чемпионка по карате, помешанная на джазе?

– Ха, об этом можно только мечтать. Не-а, на самом деле я жуткая зануда. И ужасно скучная. Впрочем, во мне есть что-то от рок-фанатки... – В

подтверждение этого заявления я оглядываю свою одежду. – Что-то от зубрилки, а мой любимый фильм – «Назад в будущее», потому что, по-моему, было бы потрясающе иметь возможность совершить путешествие во времени, в прошлое... – Я замолкаю, неожиданно осознав скрытый смысл своих слов. – И нет. Никакого парня. Или девушки. – Конечно, у меня были парни, но сейчас как-то неловко о них говорить. Я делаю вялую попытку перевести разговор: – А у тебя?

– Если честно, то похвастаться особо нечем. Родители наверняка сказали бы, что я бездарно растратила свои юные годы, распивая в парке и не заботясь об успеваемости, но сейчас все в порядке, потому что я здесь и они могут мною гордиться. – Она выразительно поднимает брови. – У меня был парень. Рич. Однако он уехал в Плимут, и я заявила ему, что нет смысла пытаться продолжать отношения, в связи с чем я, скорее всего, его больше не увижу. В любом случае, раз уж я здесь, у меня появился шанс встретить симпатичного и сексуального игрока в регби, да? – Она лукаво ухмыляется, но я не успеваю ответить, так как на лестнице раздаются чьи-то тяжелые шаги.

Это Роб. Я сразу расслабляюсь.

– Можно присоединиться или вход только для девочек? – спрашивает он, вваливаясь в комнату.

– Входи, – отвечает Джейн. – А ты из них кто?

– Я Роб, – ухмыляется он. – Самый красивый из них.

Я улыбаюсь. Роб действительно красивый, но он жуткий бабник и еще до конца месяца успеет переспать чуть ли не с половиной первокурсниц. И, кроме того, он не Эд.

– Очень приятно, красавчик, – говорю я.

Он плюхается возле меня на кровать и небрежно вытягивает длинные ноги.

Пока Джейн с Робом присматриваются друг к другу, я обвожу глазами комнату, смотрю на пятна сырости в углу, квадраты более темной краски и жирные круги

от скотча – следы некогда висевших здесь постеров, – и думаю о нереальности происходящего.

По какой-то причине я проснулась в 1993 году, вернувшись, таким образом, в свою прошлую жизнь, когда мне было восемнадцать. Я понятия не имею, сколько это продлится – может, день, а может, больше, – но мне абсолютно все равно, поскольку прямо сейчас я могу думать только об Эде. Если сегодняшний день пройдет, как тогда, – покамест все было именно так, а потому у меня нет причин сомневаться, – то я скоро увижу Эда. Конечно, он не будет моим Эдом, тем Эдом, которого я знаю сейчас. Нет, он будет таким, каким я увидела его впервые: сексуальным, слегка надменным. Тем Эдом, который мне тогда понравился, но в которого я еще не влюбилась без памяти: не было ни удара молнии, ни электрического разряда. Просто встретились два человека, я и он, и перед ними открылся мир безграничных возможностей.

На сей раз мне будет трудно – почти невозможно – вести себя так, словно мы не знакомы. Я любила его и ненавидела его, обнимала и ласкала его, и ссорилась с ним, и теряла его, и оплакивала его. Ну и как тогда я сумею справиться, если все это бережно хранится в моей памяти? Понятия не имею.

– А ты как насчет этого?

Я моментально возвращаюсь в настоящее и вижу, что Джейн с Робом выжидающе смотрят на меня.

– Извините, просто задумалась. Что вы сказали? – Надеюсь, никто из них не заметил, как предательски дрожит мой голос.

– Может, сходим поищем ближайший паб? – предлагает Роб. – И пропустим по пинте пива до приезда остальных?

– Отличная идея. – Мне сейчас явно не повредит небольшой допинг, чтобы спокойно пережить ближайшие несколько часов. И выпивка – именно то, что доктор прописал. Я поспешно встаю. – Ладно, только затащу вещи в свою комнату, пока предки не уехали.

Мы спускаемся вниз попрощаться с родителями, а папа тем временем заносит мои сумки и коробки в комнату по соседству со спальней Джейн.

– Береги себя, дорогая. – Мама крепко обнимает меня, я чувствую, как на глаза снова наворачиваются слезы. – Не забывай мне звонить и вообще приезжай поскорее домой.

– Ну, с приездом можно и повременить. Ведь я собираюсь устроить в твоей комнате мини-гостиницу. – Папа, усмехнувшись, торопливо обнимает меня, и они уезжают, оставив меня в моей новой реальности.

Я справлюсь. Я смогу снова пожить студенческой жизнью. Да и вообще, это всего лишь один день, причем именно тот день, который я мечтала вернуть после того, как потеряла Эда.

– Ладно, пошли. – Я делаю глубокий вдох, приклеиваю на лицо улыбку, и наша троица дружно марширует по дорожке в сторону ближайшей пивной.

Когда мы протискиваемся через вращающуюся дверь, у меня неожиданно возникает острый приступ ностальгии. Я уже тысячу лет не была здесь, и воспоминания буквально захлестывают. Словно наяву, я вижу за бильярдным столом Эда: нахмурившись, он пытается загнать шар в лузу, на краю стола стоит кружка пива, наполовину осушенная. Помнится, Джейн тогда так нагрузилась, что свалилась со стула и, свернувшись калачиком, прикорнула в углу. Я буквально слышу, как музыкальный автомат, в который мы обычно до бесконечности бросали монетки, чтобы услышать любимые мелодии, выдает мне «No Rain» рок-группы «Blind Melon». И, несмотря на всю нелепость ситуации и мрачные опасения, меня вдруг накрывает теплой волной, и я сажусь за столик, чтобы провести день с этими людьми – моими старинными друзьями, с которыми я только что познакомилась.

Спустя три часа мы уже дома. Приехал Саймон, и после непродолжительной процедуры знакомства мы принимаемся делить кухонные шкафчики, по ходу дела распивая бутылочку дешевого вина, купленного из-под полы по дороге домой. На вкус больше походит на растворитель для краски, но алкоголь несколько притупляет волнение.

За окном потихоньку темнеет, приближается ответственный момент. Эд скоро будет здесь. Сердце больно сжимается.

Я еще не успела смириться с тем фактом, что никогда больше не увижу Эда, хотя в глубине души принимаю неизбежное. Его лицо начинает постепенно стираться из памяти, несмотря на мои отчаянные попытки удержать любимый образ, и это меня безумно пугает. Я вижу абрис лица Эда и мысленно обвожу пальцем любимые черты. Но не могу абсолютно точно воспроизвести форму глаз, горбинку на носу, похожий на лук Купидона изгиб губ, что буквально сводит с ума. Более того, я боюсь выдать себя в присутствии посторонних, когда снова увижу его. Разве я смогу просто так стоять и смотреть на него? Ведь мне наверняка захочется протянуть к нему руки или, что еще хуже, броситься ему на шею! И что мне в таком случае делать?!

Дешевые пластиковые настенные часы над раковиной монотонно тикают; из крана – кап-кап-кап – сочится вода. Я чувствую, как потеют ладони и гудит голова. Где-то там слышится гул голосов, но я сознательно его отсекаю, прислушиваясь лишь к тревожному биению сердца и своему громкому дыханию – вдох-выдох, вдох-выдох. Мне лишь хочется поскорее со всем этим закончить.

А затем, словно в ответ на мои молитвы, раздается громкий стук в дверь и в кухню вихрем врывается Эд, на его красивом лице играет широкая улыбка.

Кровь бросается мне в голову, похоже, я вот-вот потеряю сознание.

Вокруг царит дикий ажиотаж, ребята бросаются знакомиться с новеньким, однако я стою как вкопанная и, не решаясь посмотреть прямо на него, отвожу глаза и вижу лишь мужественный профиль. А когда я все же заставляю себя взглянуть на Эда, у меня возникает такое чувство, будто мне дали под дых. Боже мой! Это он, и он реально здесь.

Я подхожу к стулу и крепко хватаюсь за спинку. Так утопающий хватается за соломинку. Надеюсь, мне удастся устоять на ногах. Затем я снова смотрю на Эда, пытаюсь вобрать в себя каждый дюйм его тела. Темные волосы падают на ярко-синие глаза, Эд рукой пытается убрать непокорные пряди – жест, знакомый до боли. Он кажется таким юным, и не могу поверить, что в свое время, когда мы впервые встретились, я не влюбилась в него с первого взгляда.

Мне кажется, будто у меня из груди вырвали сердце и выставили на всеобщее обозрение. Я влюблена в Эда, но у меня в душе кровавая рана, ведь Эд умер и я знаю, что, скорее всего, это единственная возможность снова увидеть его. И что

самое ужасное, я не смогу признаться ему в своих чувствах.

По крайней мере, вслух. Однако он наверняка все поймет, когда заглянет мне в глаза. Он наверняка прочтет в них историю нашей жизни начиная с этой минуты. Да? Он не может не понять, что между нами существует незримая связь. А я не могу упустить такой момент, потому что это мой последний шанс.

Итак, я делаю глубокий вдох, вытираю о платье вспотевшие ладони и протягиваю Эду руку, пытаюсь скрыть дрожь:

– Я Зои. Приятно познакомиться.

Он берет мою руку в свою, и я словно оказываюсь в эпицентре взрыва.

– Мне тоже очень приятно, – произносит он, и его глубокий голос отдается у меня в сердце.

Я задерживаю руку Эда на секунду дольше, чем следовало бы, чувствуя, как в тело проникает приятное тепло. Он тоже это чувствует, я твердо знаю, и я заглядываю ему в глаза. Но тут раздается стук в дверь, чары рассеиваются. Осторожно выдернув руку, Эд поворачивается в сторону дверного проема, в котором виднеется женское лицо.

С сияющими от радости глазами Эд покровительственно обнимает гостью за плечи и притягивает к себе, его глаза полны любви. Она высокая, грациозная, со стильной короткой стрижкой и теплым взглядом. Видно, что она обожает Эда и это чувство взаимно.

– Ребята, это мама. Мама, это ребята. – Эд величественно обводит рукой комнату, и мы вразнобой бормочем «привет».

Но я могу думать только о том, как стояла рядом со Сьюзан на похоронах Эда, смотрела, как вокруг гроба задергивается шторка, как мы держались со Сьюзан за руки, соединенные общим горем.

– Мама хотела удостовериться, что я не потерялся по дороге и благополучно добрался сюда. Да, мам?

Сьюзан склоняет голову и виновато улыбается:

- Прости, что ставлю тебя в неловкое положение, но ты ведь меня знаешь. Мне необходимо было убедиться, что с моим малышом все в порядке.

Она лукаво ухмыляется, когда Эд издает протяжный стон, но я понимаю: в глубине души Эд страшно доволен, что она здесь. В то время она была единственной в мире женщиной, которую он любил.

- Мам, ты же здесь не надолго, а?

- Нет, не волнуйся, я не собираюсь тебя ни в чем ограничивать. - Она косится на бутылку вина на столе. - Да и вообще, не уверена, что мой желудок выдержит это пойло. - Эд возмущенно поднимает брови, и она снова проказливо ухмыляется, совсем как в свое время Эд, когда ему казалось, что он острит. - Простите, но я, пожалуй, пойду, пока он меня не убил.

Она вешает сумочку на плечо и походит к Эду, чтобы поцеловать его на прощание, и я зеленею от зависти. Так как отдала бы все что угодно за возможность поцеловать его прямо сейчас.

Но я потихоньку учусь; сейчас мне остается только ждать.

- Было очень приятно познакомиться, - бросает на прощание Сьюзан и в сопровождении Эда покидает нас.

И когда разговор на кухне возобновляется, я приказываю сердцу успокоиться. Ведь для всех остальных это просто еще один день, ну разве что чуть более волнующий из-за встреч с новыми людьми. Интересно, что бы они сказали, если бы знали, какую крестную муку я сейчас испытываю?

- Ты в порядке? Ты какая-то бледная. - Джейн озабоченно хмурится и затягивается сигаретой.

Я вяло улыбаюсь, отгоняя дым от лица:

- Да, в порядке. Наверное, просто выпила лишнего.

– Ха, мы еще даже не начали! Детка, тебе срочно надо пополнить запас жизненных сил! – Она подходит к раковине, с сигаретой в зубах, споласкивает кружку, наполняет ее водой и относит к столу. – На, попей-ка воды!

Я беру кружку, молясь, чтобы она не заметила, как трясутся мои руки, и одним глотком осушаю ее.

– Ну как, полегчало?

– Спасибо, – киваю я.

– Отлично. А теперь еще немного вина. – Она с ухмылкой наливает теплое пойло в мой стакан.

Возвращается Эд и сразу начинает рыться в рюкзаке. Я наблюдаю, уже заранее зная, что будет дальше, и Эд достает бутылку водки:

– Ну как, кто-нибудь готов выпить что-нибудь более стоящее?

Комната взрывается дружным «да!» – и я не могу удержаться от стога. Мне хочется запечатлеть в памяти каждую минуту, однако если я напьюсь, а я непременно напьюсь, то ничего не запомню. Хотя, с другой стороны, мне вовсе не хочется портить компанию, особенно в день нашей первой встречи.

И вот стаканы наполнены – льда нет, но кто-то нашел бутылочку диетической кока-колы – и пущены по кругу. Я беру свой стакан и подношу к губам, исподтишка наблюдая за своими друзьями, при этом стараясь не смотреть в лицо человеку, которого люблю больше жизни.

– Ваше здоровье! – Эд понимает стакан и бросает на меня быстрый взгляд; мне кажется, будто он видит меня насквозь, и я заливаюсь краской.

Мы с ним чокаемся, он отводит глаза. Сердце бьется так сильно, что мне становится дурно. Еще немножко – и я упаду со стула.

Остаток вечера проходит словно в тумане: мы выпиваем, и смеемся, и разговариваем; за окном уже ночь, и пора ложиться в кровать. Мне не хочется уходить, ведь я понятия не имею, что ждет меня завтра, увижу ли я Эда, или это была одна-единственная встреча, и я не хочу идти спать – так, на всякий случай. Но я пьяная и усталая, и я знаю, что у меня нет выбора. Даже если я вообще не сомкну глаз, этот день не может продолжаться вечно.

– Спокойной ночи! – говорит мне Эд, когда мы поднимаемся наверх.

– Спокойной ночи, любимый.

– Вот это да! Ты явно торопишь события.

Я смущенно морщусь, пытаюсь скрыть багровое лицо за волосами.

– Извини. Просто перебрала немного. Спокойной ночи, Эдвард Уильямс. Было приятно познакомиться. – Я протягиваю руку, он отвечает мне шутливым рукопожатием. От его прикосновения меня бросает в дрожь.

– Я счастлив нашему знакомству, Зои Морган.

А затем он выпускает мою руку, закрывает за собой дверь и исчезает.

Глава 2

22 июля 1994 года

Я проснулась пару секунд назад, и, пока лежу с закрытыми глазами, агония воспоминаний находит выход не в страдальческом стоне, а в привычной ноющей боли, отдающейся надоедливым жужжанием в ушах.

Однако память о вчерашней встрече с Эдом, о его прикосновении до сих пор живет в моем сердце, и мне безумно хочется узнать, повторится ли все это снова, если я окажусь в прошлом. Итак, я делаю глубокий вдох, открываю глаза,

сажусь и оглядываюсь по сторонам. И сразу вижу на другом конце кровати юную Джейн: свернувшись в позе эмбриона, она спит беспробудным сном. Джейн полностью одета, спутанные волосы падают на лицо. Я продолжаю осмотр комнаты. Я в своей спальне в мою бытность на втором курсе университета. Да-да, та самая спальня, в которой я распаковала вещи во «вчерашней» реальности, передо мной постеры, что я собственноручно прикрепила к стене: «Pop Will Eat Itself», «Soundgarden», «Red Hot Chili Peppers». На стуле в углу свалена груда одежды, а CD-диски разбросаны по полу рядом с моим стерео. Оставшиеся коробки с дисками аккуратно сложены на подставке.

Я чувствую легкое головокружение.

Это что, другой день? Похоже на то. Но почему?

Тяжело вздохнув, я сижу на кровати и пытаюсь понять, как быть дальше. У меня нет ни малейшего представления ни о том, что происходит, ни о том, какой именно день своей жизни я «проживаю» заново, но я абсолютно уверена, что очень скоро это выясню. Осторожно, чтобы не разбудить Джейн, я спускаю ноги с кровати. Шершавый ковер щекочет ступни, в воздухе, в лучах света, просачивающегося сквозь тонкие занавески, танцуют пылинки. Стараясь не поскользнуться, я перешагиваю через сваленные в кучу CD и распахиваю дверцу платяного шкафа. На внутренней стороне висит зеркало, и я, не оставляя времени на раздумья, гляжусь в него.

Мои волосы, длинные и спутанные, покрашены в темно-темно-каштановый цвет, почти черный. Они падают мне на плечи, спускаясь чуть ли не до лопаток. Глаза густо подведены черным карандашом и серебряными тенями, кожа кажется белой и гладкой, точно фарфоровой. Ни намека на морщинки, несмотря на явно бурную ночь. На мне мешковатая черная футболка, из-под которой торчат стройные белые ноги. На голени синяк – правда, небольшой, – темно-фиолетовый, в желтом окаймлении. Понятия не имею, откуда он взялся. В ноздре серебряное колечко, мочку левого уха украшают четыре серебряные пуссеты. Я улыбаюсь. Мне нравился мой пирсинг. И я всегда вспоминала о нем с некоторой тоской. Так же как и об одежде тех времен. Теперь мне этого немножко не хватает.

Я осторожно спускаюсь вниз и, пробравшись мимо пепельниц и пустых пивных банок на полу в гостиной, включаю телевизор. Нажимаю на кнопку телетекста, который, к моему удивлению, работает; старомодные буквы одна за другой

ползут по экрану, совсем как телеграфная лента. И вот наконец, после нескольких минут просмотра еле-еле загружающихся страниц, я нахожу то, что мне нужно.

Дата: 22 июля 1994 года.

Я хмурюсь и, отчаянно прокручивая назад воспоминания, пытаюсь идентифицировать дату. Почему именно этот день? Он чем-либо знаменателен? Он как-то связан с Эдом?

А потом меня осенило. Как я могла забыть?!

Неделю назад мы с Эдом впервые поцеловались. Что могло означать только одну-единственную вещь.

Сегодня он разобьет мне сердце.

У меня подкашиваются ноги. Чтобы не упасть, я поспешно опускаюсь на краешек замурзанного дивана. Я помню произошедшее так ясно, словно все случилось вчера, и мне не верится, что придется снова пройти через это.

Поцелуй был неожиданным, но потрясающим. За прошедший год мои чувства к Эду окончательно сформировались. Я поймала себя на том, что постоянно за ним наблюдаю: за тем, как он общается с людьми, как завтракает, как дремлет на диване. И постепенно стала понимать, что он для меня больше, чем просто друг. Я буквально помешалась на нем. И хотя я не знала, испытывает ли он ко мне такие же чувства, я лелеяла надежду еще до конца учебного года поцеловаться с ним. Однако по мере приближения домашней вечеринки, которую мы решили устроить за неделю до отъезда на летние каникулы домой, где нас ждала скучная работа, мои надежды на то, что между мной и Эдом возникнут хоть какие-нибудь отношения, постепенно таяли.

- Когда ты начинаешь? - поинтересовался у меня Саймон.

Ему предстояло пройти краткосрочную практику в юридической фирме его отца, и он хотел удостовериться, что остальные тоже будут при деле.

- В первую неделю после приезда домой. - На лето я устроилась работать в паб неподалеку от родительского дома.

- Ну а ты? - задала я встречный вопрос. - Тоже приступаешь прямо сейчас?

- Угу, - ответил он. - Придется надеть костюм.

Я громко расхохоталась. Саймон носил исключительно засаленные карго, потертые ботинки и линялые футболки.

- Что? - напустил на себя обиженный вид Саймон. - А мне казалось, я классно выгляжу.

Выпятив подбородок и затянув на шее воображаемый галстук, Саймон передал мне косячок.

- Не сомневаюсь, так оно и будет. - Я сделала затяжку и выпустила изо рта облачко дыма. - Однако тогда тебе точно будет не до работы. Ведь к твоему письменному столу мгновенно выстроится очередь из влюбленных женщин.

- Очень на это надеюсь. - Он подмигнул, и я снова рассмеялась.

- Эдди, а ты чем займешься?

Эд пожал плечами:

- Еще не знаю. Пока поеду к маме, а там что-нибудь придумаю. Мечтаю покопаться в саду, погреться на солнышке, поработать руками. Если получится, попробую дать пару концертов в местных пабах. - Он бросил на меня быстрый взгляд. - А может, и нет.

- Везет же некоторым, - сказал Саймон. - Я бы тоже не прочь все лето брэнчать на гитаре у мамочки под крылышком.

- Кому сейчас легко? - рассмеялся Эд, но я заметила плохо скрытую боль в его глазах.

Наши парни считали его маменькиным сынком, однако я с этим была категорически не согласна. Ведь Эда сблизил с матерью долгие годы вдвоем после смерти его отца.

- Ты обязательно что-нибудь найдешь, - заверила я Эда, протянув ему косячок.

Наши пальцы встретились, я вздрогнула, отдернула руку и, заметив краем глаза, что Эд наблюдает за мной, жутко смутилась. Тогда я встала, нетвердыми шагами прошла на кухню и, чтобы немного протрезветь, оперлась на раковину, чувствуя, как пол содрогается от басов «Insane in the Brain» в исполнении рэпкор-группы «Cypress Hill».

- Эй!

Я резко обернулась и, увидев у себя за спиной Эда, почувствовала, как екнуло сердце. Эд взгромоздился на кухонный прилавок и испытующе на меня посмотрел:

- Ну и как тебе перспектива провести все лето дома?

Я пожала плечами:

- Нормально. Сам знаешь. - Мне было неуютно под его пристальным взглядом, и я принялась передвигать предметы, лежавшие на прилавке. - А тебе?

Эд не ответил. Вместо этого он сказал:

- А ты будешь по мне скучать?

Я услышала в его голосе провокационные нотки, но толком не поняла, то ли он со мной заигрывает, то ли это его обычная манера поведения.

- Не-а. - Красная как рак, я посмотрела Эду в глаза и выдержала его взгляд, победив в этой игре в гляделки.

Эд соскочил с прилавка и укоризненно покачал головой:

– Ой, как не стыдно!

– Да неужели?

Он кивнул, на его губах играла озорная улыбка.

– Да-да. А вот мне, Зои, почему-то кажется, что я буду скучать по тебе.

Опасаясь, что под действием вина выдам желаемое за действительное, я продолжала выжидающе молчать. Его ярко-синие глаза мерцали в полутьме, дразнили.

– Ну ладно. Хорошо, – смутилась я.

– Вот значит как? Хорошо? – Эд направился ко мне, но по дороге споткнулся. – Упс! Похоже, я слегка перебрал. – Остановившись буквально в дюйме от меня, он добавил: – Хотя я говорю это вовсе не потому. Пиво здесь ни при чем. Я реально буду по тебе скучать.

А затем он медленно, очень медленно наклонился и осторожно поцеловал меня. Чувствуя, что буквально пылаю от страсти, я жадно ответила на поцелуй. Эд обнял меня, притянул мою голову к себе и еще сильнее впился в мой рот. Наконец он меня отпустил и слегка отстранился:

– Ну как? Я так понимаю, у нас все хорошо?

– Хорошо. Даже более чем, – кивнула я.

Он придвинулся поближе с явным намерением поцеловать меня снова.

И тут в самый ответственный момент послышался чей-то голос:

– Эй-эй-эй! Интересное кино. Ну и что это значит?

На пороге, слегка покачиваясь, стоял Роб, страшно довольный, что сумел поймать нас с поличным. Я расплылась в счастливой улыбке.

Однако Эд, в отличие от Роба, не слишком обрадовался.

– Ничего особенного, – промямлил он, потихоньку пятясь. – Я всего-навсего говорил «до свидания».

– Угу, похоже на то, – ухмыльнулся Роб. – Я пришел лишь затем, чтобы взять пивка. Как насчет того, чтобы пропустить еще по одной?

– Легко, – сказал Эд.

Достав из холодильника пиво, они повернулись ко мне.

– Зои? – Роб протянул мне банку.

– Нет, спасибо.

У меня голова шла кругом, я судорожно старалась понять, что именно сейчас произошло. Как к этому относиться? Эд демонстративно меня отвергает или просто стыдится, что нас застукали? Я попыталась поймать его взгляд, но Эд упорно отводил глаза, и меня бросило в жар. Каковы бы ни были его скрытые мотивы, я не собиралась это терпеть. Я резко вышла из кухни и, присоединившись к участникам вечеринки, налила себе очередной стакан теплого вина из стоявшей на полу бутылки.

Эд очень хотел меня развеселить, при этом вел себя как ни в чем не бывало, и я решила спустить все на тормозах. Не знаю, в чем была его проблема, но спрашивать я определенно не собиралась. Если бы хотел, сказал бы сам.

И вот теперь, когда я вернулась в тот проклятый день, через неделю после злополучной вечеринки, меня мучает вопрос: какой смысл вновь оживлять эти события? Хотя какая-то причина наверняка имеется, а иначе зачем я здесь? А вдруг мне дали второй шанс именно для того, чтобы я применила другой тактический ход?

При этой мысли мне становится не по себе, я жадно ловлю ртом воздух.

Вот оно! Сегодня я должна попробовать скорректировать прошлое и проверить, будет ли разница. А что, если мне суждено испытать на себе эффект бабочки, когда одно крошечное изменение в начале пути может повлечь за собой кардинальные перемены в чей-то жизни за много миль – или лет – отсюда? Тогда даже одно крошечное изменение сегодня способно повлиять на дальнейший ход событий, в результате чего Эд может остаться со мной.

Я понятия не имею, сработает ли мой план, но попытаться определенно стоит.

Сейчас пять часов вечера. Солнце стоит высоко. Я подставляю лицо жарким лучам и, радуясь теплу, потягиваю кока-колу из банки.

Рядом со мной сидит Джейн. Нетерпеливо дрыгая ногами, она пыхтит сигаретой.

– Ну давай же, мне нужно срочно домой, принять душ, от меня уже разит.

– Ой, ну еще секундочку, – прошу я.

– Ну ладно, валяй, – говорит она, и, даже не глядя на нее, я чувствую, как она закатывает глаза.

– Спасибо. Только не надо так делать!

– Делать – что?

– Закатывать глаза.

– Ха, прости!

Я знаю Джейн даже лучше, чем саму себя, а она, в свою очередь, знает меня. И ничего удивительного: мы видимся каждый день и у нас нет друг от друга секретов. Мне вдруг становится совестно. В моем настоящем, а именно в 2013 году, я по-прежнему обожаю Джейн, хотя и пустила нашу дружбу на самотек, но теперь, вернувшись в 1994-й, никак не могу понять, почему со временем отдалилась от Джейн.

Отхлебнув колы, я поворачиваюсь к Джейн:

– Черт, а мне нравится!

– Что именно?

– Все. Что мы с тобой можем сидеть, молчать, и нам хорошо.

Она улыбается:

– Мне тоже. Хотя мне уже давно пора уходить, а ты меня насильно удерживаешь.

– Ладно, сдаюсь.

Я вскакиваю на ноги, у меня слегка кружится голова. Я стараюсь оттянуть возвращение домой, ведь Эд наверняка еще там, а я пока не готова к встрече. И вообще, я на грани нервного срыва, мне необходимо собраться.

Мы с Джейн сегодня весь день веселились и, прогуляв лекции, наливались дешевым выдохшимся сидром в студенческом союзе. А вот теперь вышли подышать свежим воздухом, отчего меня еще больше развозит. Чтобы не упасть, я непроизвольно хватаю Джейн за плечо.

– Осторожнее! – Она помогает мне выпрямиться и кидает окурок на тротуар. И с ухмылкой говорит: – Упс! Похоже, мы слегка перебрали сидра. – И деликатно рыгает.

– Ну ты и свинья! – Я буквально захлебываюсь от смеха.

Взявшись за руки, мы потихоньку направляемся в сторону дома. Провести вместе с лучшей подругой целый день было здорово, но чем больше я пьянела, тем сильнее мне хотелось ей во всем признаться. То, что сейчас со мной происходило, было настолько странно и необъяснимо, настолько грандиозно, что мне определенно не следовало скрывать это от Джейн.

Но когда мы рука об руку бредем домой, я даже рада, что промолчала. Мы идеально провели время, и я не хотела все портить. Джейн помогла мне справиться с душевной болью последних нескольких лет, но я, не в силах терпеть ее доброту, постепенно отгородилась. Однако сегодняшний день оказал на меня благотворное воздействие, наша дружба словно получила новый импульс, и, хотя я точно знала, что это никак не отразится на нашем будущем, мне было чертовски хорошо.

Я иду, глотая слезы. И не замечаю, что мы уже успели преодолеть две мили, отделявшие нас от дома, и даже немного протрезветь. Но когда Джейн открывает входную дверь, я непроизвольно напрягаюсь.

Что, естественно, не ускользает от внимания Джейн.

- Послушай, ты должна с ним поговорить.

- Знаю. Но что, если он не пожелает со мной разговаривать? Что, если я все неправильно поняла и этот поцелуй – ошибка, совершенная по пьяному делу, и теперь он хочет все забыть?

- Ну а как тебе другой вариант? Что, если ему просто неловко? Ведь романы между соседями принято считать чем-то банальным, и он, так же как и ты, не знает, что с этим делать. Может, вам просто стоит поговорить друг с другом.

- Нет, это исключено. Он первый поцеловал меня и сказал, что будет по мне скучать. Я его за язык не тянула. Сейчас его очередь. Он должен прийти и объяснить, почему меня избегает.

Джейн испытующе смотрит на меня и пожимает плечами:

- Ладно, я свое дело сделала. И теперь умываю руки. Но ты мое мнение знаешь. Мой тебе совет: прислушайся к своему внутреннему голосу.

Я киваю, мое лицо каменеет. Джейн молча открывает дверь, включает свет. Из гостиной доносятся голоса, громкий смех, тихое бормотание телевизора. Мы идем по коридору, который кажется мне бесконечным. Подходим к гостиной, распахиваем дверь. Я с трудом сдерживаю крик.

На диване свернулся калачиком Эд. Рядом с ним, в кольце его рук, лежит с самодовольным выражением лица – как, бишь, ее? Как я могла забыть?! Ведь в тот день она изменила мою жизнь, и все же ее имя выскочило из головы. За неимением лучшего варианта, я называю ее Большие Сиськи.

Роб сидит развалившись на другом диване с открытой банкой пива в руках и болтает с Эдом.

А я не могу отвести глаз от Эда. Мой Эд обнимает другую, не меня, а другую девушку, буквально через несколько дней после того памятного поцелуя. С тех пор я ни о чем другом не могла думать, а ему все до лампочки! Мне словно дали под дых, я хватаюсь за спинку дивана, чтобы не упасть. Реакция, конечно, не слишком адекватная, так как я все знала заранее. Но разве от этого легче?

Тогда, в 1994 году, я провела с ними вечер, сделав вид, будто ничего не заметила, а потом рано ушла к себе, чтобы всласть поплакать в постели.

Но на сей раз все будет по-другому. Я попробую кое-что предпринять, а там поживем – увидим. Конечно, мысль о том, что какая-то мелкая деталь из прошлого, возможно, способна предотвратить смерть человека в 2013 году, кажется дикой, но, если это не так, тогда почему я здесь?

Я сажусь и начинаю ждать подходящего момента. Эд по-прежнему отказывается на меня смотреть. Джейн ловит мой взгляд и вопросительно кивает, но я, покачав головой, небрежной походкой покидаю комнату. А потом, как последняя идиотка, меряю шагами кухню и прислушиваюсь к звукам сливного бачка. И когда кто-то сливает воду в туалете, выхожу в коридор и оказываюсь возле двери в туалет как раз в тот момент, когда оттуда выходит Эд. Он буквально сбивает меня с ног, наши плечи соприкасаются.

– Ой, прости! – Он опускает глаза и поворачивается, чтобы уйти.

– Эд... – настойчиво говорю я.

Эд вопросительно поднимает брови:

– Зои?

Сердце колотится так сильно, что звук этот отдается в кончиках пальцев. Я перевожу дыхание:

- Эд, ты не можешь вечно игнорировать меня. Ты сам это прекрасно знаешь. И у меня вопрос. Почему ты упорно делаешь вид, будто между нами ничего не было и того поцелуя тоже?

Мои слова подействовали на Эда как пощечина. Впрочем, так ему и надо. Пусть теперь тоже помучается. Но я в любом случае от него не отстану. От волнения слегка кружится голова, ведь брать быка за рога вовсе не в моих правилах.

- Я вовсе не делаю вид, я... - Он стоит, смущенно потупившись, затем поднимает голову и смотрит мне прямо в глаза. - Извини, Зои. Я сам не понимаю, что делаю. Ты мне действительно очень нравишься, но это только... - Он снова замолкает; у него такой виноватый вид, что я начинаю потихоньку оттаивать.

- Боже мой, Эд! Я только хотела узнать, почему ты меня избегаешь после... ну, после того, как поцеловал меня.

- Извини. Мне действительно очень жаль. Я знаю, что вел себя как форменный придурок. Но я не хотел, чтобы остальные заметили. Не хотел, чтобы они догадались, что между нами что-то есть.

- Да неужели? Я, собственно, о том, что между нами что-то есть. - Мой голос звучит уже гораздо мягче, и Эд улыбается:

- Ничего нет. Полагаю, что нет. Хотя я предпочел бы обратное.

- Ты серьезно? - Мне становится трудно дышать.

- Вполне, - кивает Эд. - Просто я не уверен, что сейчас самое подходящее время.

У меня больно сжимается сердце, голос предательски дрожит.

- Из-за нее? - Я тыкаю пальцем в сторону гостиной.

- Эми? - У Эда хватает такта сделать виноватое лицо.

- Да. Эми.

- Господи, ну конечно же нет! Не из-за нее. Я хочу сказать, что она классная и вообще, но... она всего лишь друг. Честное слово. Девушка из универа. Дело вовсе не в ней, нет. Это... - (Я терпеливо жду продолжения.) - Зои, сейчас не самое подходящее время. Извини, если можешь. Мне очень жаль.

Я опускаю глаза, глотая слезы. На душе непонятная тяжесть, хотя я отлично знаю, что в конце концов мы будем вместе. Но невыносимо больно слышать эти слова из его уст. Я хочу сказать Эду, что время никогда не бывает подходящим и жизнь слишком коротка, чтобы оставлять наши отношения на потом. Хочу, но не могу, да и вообще, стоящий передо мной восемнадцатилетний юноша вряд ли станет меня слушать. Зачем ему это? Поэтому я тяжело вздыхаю и говорю:

- Мне тоже, Эд. Мне тоже очень жаль. Но я понимаю.

- Неужели?

Я киваю, и мы неуверенно переминаемся с ноги на ногу. Воздух между нами настолько наэлектризован от произнесенных слов, что это ощущается буквально на физическом уровне.

И тут Эд делает шаг мне навстречу. Я чувствую жар его тела. Кладу руки ему на грудь и слышу биение сердца под тонкой футболкой.

Эд обвивает руками мою талию, целует в губы. У меня стучит в висках, ноги становятся ватными. Я с жаром отвечаю на его поцелуй, толком не понимая, что за этим последует. Затем Эд неохотно отстраняется:

- Но сейчас мне, пожалуй, следует избавиться от Эми, а то некрасиво получается. - (Я молча киваю.) - Дай мне полчаса, и я вернусь. Обещаю.

Он поспешно уходит, оставив меня в коридоре. А я будто приросла к месту, не в силах справиться с дрожью.

- Какого черта здесь происходит? Что у тебя на уме, маленькая шлюшка? - Ко мне, подбоченившись, направляется Джейн. - Пока Эд пытается избавиться от

бедной старушки Эми, ты стоишь тут с довольным видом, точно кошка, добравшаяся до сметаны. Неужели вы двое... ну, ты понимаешь?

Я рассказываю ей о том, что случилось, и она награждает меня одобрительным взглядом:

- Так-так-так! Вот уж не ожидала.

- Я тоже. И теперь понятия не имею, куда это нас может завести.

Джейн пристально смотрит на меня:

- Ну и что в данный момент происходит?

- Пока точно не знаю. Что мне теперь делать?

- Делать? Тебе надо пойти в его комнату и дожидаться его там, балда. - Джейн проказливо ухмыляется. - А уж я позабочусь о том, чтобы он знал, где тебя искать.

- Неужели? А ты не находишь, что мы немного торопим события? Тем более если учесть то, что он мне сказал.

- Возможно, но кому какое дело? Он любит тебя, ты любишь его. Никто не требует, чтобы вы с ходу поженились. Просто иди и получи удовольствие.

- Хорошо, - неуверенно соглашаюсь я, продолжая стоять.

- Тогда иди. - Джейн ласково подталкивает меня в сторону лестницы. - Иди и жди его там. И, Зои?.. Удачи тебе!

Улыбнувшись подруге, я поворачиваюсь и поднимаюсь по лестнице. Кровь стучит у меня в висках. Поверить не могу, что я решилась на это. Что ж, изменит ли мой поступок хоть что-нибудь или нет, по крайней мере, я получила возможность побыть с Эдом. Кто его знает, будет ли у меня второй шанс! Значит, надо хвататься за этот обеими руками.

Застыв на пороге комнаты Эда, я чувствую себя провинившейся школьницей. Я и раньше бывала здесь, но всегда с кем-то, никогда в одиночестве, а теперь вот явилась непрошеной гостьей. Я и есть непрошенная гостя. Закрыв за собой дверь, я обвожу глазами комнату. Кровать застелена кое-как, покрывало скомкано и измято. В углу стоит гитара в чехле, она будит во мне невольные воспоминания. Ведь я поняла, что он мне нравится, именно тот день, когда он впервые сыграл для нас. Впрочем, какой девушке не понравится парень, играющий на гитаре?! Жаль, что потом жизнь взяла свое и Эд совсем забросил музыку. У окна несколько растений в горшках и лейка с водой.

На стене возле кровати несколько хаотично развешенных фотографий. Двигимая любопытством, я подхожу поближе. На одном из снимков он со Сьюзан, они радостно улыбаются в объектив, Эд покровительственно обнимает мать за плечи. Похоже, фото сделано у них дома, хотя деталей разобрать невозможно. На следующем снимке Эд с четырьмя другими мальчиками; раздетые по пояс, они поднимают бокалы, салютуя фотокамере. Должно быть, снято на каникулах накануне начала учебы в университете, но я что-то не видела эту фотографию раньше. Я узнаю только одного парня: его друга Джейка, которого видела несколько раз в деревне, когда мы приезжали навестить Сьюзан. Все остальные мне незнакомы. А еще я вижу черно-белый снимок – драгоценное фото бабушки и дедушки Эда. Он отчаянно по ним скучал и всегда хранил в доме их фотографию. Еще несколько фотографий лежат на письменном столе возле кровати, и я, не удержавшись, беру одну. На фото Эд и какая-то незнакомая девочка; широко улыбаясь, они обнимают друг друга. Она очень хорошенькая, но еще совсем ребенок, Эду тут на вид лет пятнадцать. В течение многих лет мы часто говорили о наших бывших, и теперь я гадаю, кто из них эта девочка. Я чувствую укол ревности, что просто нелепо. Ведь сейчас, в 1994 году, это можно считать делом прошлого, не говоря уж о далеком 2013 годе. Эд снял со стены все ее фото, на стене до сих пор следы скотча, и небрежно кинул на стол, заваленный бумагами, ластиками и шариковыми ручками. Ну тогда какие у меня основания ревновать?!

Я подхожу к книжной полке и вижу там несколько знакомых книг – книг, которые до сих пор хранятся в моем доме. Их не так много, не больше десятка: «Над пропастью во ржи», «Автостопом по Галактике», парочка детективов, книга по садоводству и еще одна – по истории Второй мировой войны. Несколько самоучителей игры на гитаре с песнями, которые он разучивал.

Мне стыдно, что я обшариваю его комнату, хотя, в принципе, знаю о нем больше, чем кто бы то ни было, поэтому беру с полки детективный роман, сажусь, поджав ноги, на кровать и начинаю ждать.

Но не могу сосредоточиться на чтении. Меня мучает мысль: а правильно ли я поступаю? Может, не стоит вмешиваться в ход событий и пытаться его изменить? Ведь я и сама не совсем хорошо понимаю, чего, собственно, собираюсь добиться. Мои возможности довольно ограничены. Похоже, способность оказываться в прошлом – это все, что у меня есть, правда, я собираюсь воспользоваться ею по максимуму.

Я внимательно прислушиваюсь к тому, что происходит внизу. Интересно, заметили ли остальные мое исчезновение? Минуты тянутся мучительно долго, а Эда все нет и нет. Я уже начинаю бояться, что он вообще не придет. Но вот наконец я слышу голоса, звук хлопнувшей входной двери, тихие шаги вверх по лестнице. От волнения к горлу подкатывает тошнота. А что, если это не Эд? А что, если он передумал и теперь будет сердиться?

Однако, когда Эд видит меня, его лицо тотчас же расплывается в широкой ухмылке, а в глазах загораются озорные искорки. Он плотно закрывает за собой дверь и прыгает ко мне, повалив на кровать.

– А я все гадал, ты придешь или не придешь. Ну как, удалось осмотреться?

– Да так, чуть-чуть. – Покраснев как рак, я показываю на стену. – Симпатичные фото.

Эд поднимает глаза, рассеянно кивает и говорит:

– Немного музыки?

Он вскакивает с кровати, поднимает с пола диск, вставляет в CD-плеер. Из динамиков доносится «Under My Thumb» группы «Роллинг стоунз». Мне кажется, будто я попала под поезд.

– Обожаю эту песню, – говорит Эд.

- Я тоже, - помертвевшими губами шепчу я.

Сейчас я могу думать лишь о том, как вокруг его гроба задергивается шторка. Меня снова начинает подташнивать. Я отворачиваюсь. Надеюсь, Эд не заметил, что мое лицо исказилось от боли.

Эд садится на кровать, а затем вытягивается, заложив руки за голову, и смотрит в потолок. Я ложусь рядом с ним и тоже устремляю глаза к потолку. Песня кончается, ее сменяет другая, теперь я могу думать о чем-то еще.

- Итак, что здесь происходит? - нарушает молчание Эд.

Я пожимаю плечами:

- Без понятия.

Эд приподнимается на локте и поворачивается, его лицо оказывается совсем близко.

- Эд, послушай, когда ты поцеловал меня на прошлой неделе...

- Насколько я помню, ты меня тоже поцеловала.

- Тсс! Ты знаешь, о чем я. Ты поцеловал меня, и это было здорово.

- Только и всего? Здорово? А может, потрясающе? Грандиозно?

- Эд, как не стыдно перебивать?!

- Извини.

- Ну ладно, сдаюсь. Больше, чем просто здорово. Но не в этом дело. Дело в том, что ты вел себя отвратительно...

- Согласен, я вел себя не слишком вежливо.

– Вот именно. Ты практически со мной не разговаривал, ты даже на меня не смотрел. Да, ты говорил, что не готов к серьезным отношениям, но сейчас мы уезжаем домой на шесть недель, и мне хотелось бы понять, на каком я свете. Жизнь слишком коротка, чтобы играть в подобные игры.

Господи, до чего обидно, что Эду не дано понять глубокого смысла моих слов!

Эд внимательно смотрит на меня, лицо его становится серьезным.

– Ты права, и мне очень жаль. Я избегал тебя, решив, что так будет проще.

– Проще?

– Понимаешь, в будущем году мы снова вернемся в этот дом, где вся наша жизнь как на ладони, а если мы с тобой начнем отношения и у нас не заладится, это станет настоящим кошмаром, – с виноватым видом говорит Эд.

– Значит, ты отказываешься со мной встречаться из боязни, что у нас не заладится? Ты всегда такой оптимист, да?

– Согласен, это звучит странно, но да. Зои, нам сейчас только по девятнадцать лет, и, пожалуй, стоит немного сбавить обороты, ну а там будет видно.

Я отчаянно пытаюсь переварить его слова.

– Выходит, я тебе нравлюсь, но ты не хочешь быть со мной, так?

Эд явно чувствует себя не в своей тарелке.

– Угу, полагаю, что так. Мне жаль, Зои, реально жаль. Я просто хотел немного развлечься. Ты знаешь...

Я с несчастным видом киваю.

Эд переворачивается на спину, мы несколько минут лежим рядом, голос Мика Джаггера наполняет комнату. Я обдумываю заявление Эда и понимаю, что

должна прислушаться к голосу разума. Ничего страшного, если у нас прямо сейчас ничего не получится. Первые два года я восхищалась им лишь издалека, стараясь не обращать внимания на других девушек, которых он время от времени сюда приводил. Похоже, дело идет к тому, чтобы все повторилось сначала. Я должна с этим смириться, уповая на то, что мы в любом случае будем вместе. Ведь в конце концов так оно и случилось. А иначе кто знает, что может произойти? Нет, я слишком напугана, чтобы форсировать события.

Я спускаю ноги на пол, собираясь встать. Эд вопросительно щурится на меня:

– Уже уходишь? – (Я качаю головой.) – Ладно. Послушай, Зои. Мне жаль, ты сама знаешь. Очень-очень.

– Знаю. Мне тоже.

Я осторожно целую его в кончик носа, выхожу из комнаты и оттуда – прямо к себе, ложусь на кровать и смотрю теперь уже в свой потолок. А затем даю волю слезам. Безудержные рыдания сотрясают мое тело, но слезы постепенно высыхают, и я забываюсь глубоким сном.

Глава 3

18 февраля 1999 года

Оглушительный звук врывается в мою полудрему. Я сажусь на кровати, пытаюсь унять сердцебиение. Оказывается, это орет радио, песня «Stop» группы «Спайс герлз».

Наклонившись, я пытаюсь найти и отключить источник шума, пока он не переполошил весь дом. И смахиваю ребром ладони радиобудильник. Наступает блаженная тишина.

Я падаю на подушку, на секунду чувствуя себя почти счастливой, но затем вспоминаю о смерти Эда, и на меня вновь обрушивается боль. Но тут я вспоминаю свое путешествие в прошлое, которое попыталась изменить, и мне до

смерти хочется узнать, удалось ли тогда преуспеть.

Интересно, куда я попала и какой сейчас год? Я с любопытством оглядываюсь по сторонам. Вокруг темно, единственный источник света – солнце, просачивающееся сквозь щели деревянных жалюзи на окне. Знакомая картина, и я вдруг чувствую острый приступ ностальгии. Я лежу на односпальной кровати в маленькой комнатухе с платяным шкафом и стулом в углу. И, как обычно, на спинку стула свален целый ворох одежды. Над стулом на стене – коллаж из фотографий. С кровати разглядеть снимки практически невозможно, но я твердо знаю, что именно запечатлено на каждом из них.

Комната мне отлично знакома: это спальня в лондонской квартире, которую мы с Джейн сняли после окончания университета, по сусекам насобирав денег на внесение депозита. Квартирка оказалась крохотной – игрушечной, по определению риелтора. Там была моя спальня, спальня Джейн, еще меньше моей, маленькая гостиная, она же столовая, она же кухня, и чулан, именуемый ванной комнатой. Но нам с Джейн было плевать, что в нашем жилище едва хватало места для двоих. Это была наша первая лондонская квартира, и мы ее обожали.

Сердце неистово бьется от волнения, совсем как вчера. Насколько я могу судить, пока что ничего не изменилось – никаких следов Эда, ни единой зацепки его пребывания здесь, – но мне явно предоставили второй шанс. Возможно, сегодня я увижу Эда.

С сосущим чувством под ложечкой я откидываю одеяло и вылезаю из кровати. В комнате холоднее, чем мне казалось. Дрожа от холода, я накидываю на плечи одеяло. Зеркала тут нет, я подхожу к стулу – буквально два шага – и шарю в ворохе барахла, пытаюсь найти какую-нибудь одежду. Мне попадаются клетчатые штаны в обтяжку и черная рубашка поло. Я принохиваюсь. Одежда, похоже, чистая. Я одеваюсь и направляюсь в ванную. Дверь заперта, я слышу, как течет вода и Джейн тихо мурлычет себе под нос, тогда я иду на кухню и включаю чайник.

На спинке стула висит сумка, несомненно моя, но, заглянув внутрь, я почему-то испытываю чувство вины, словно роюсь в чужих вещах. Не знаю, что именно я рассчитываю найти, однако неплохо было бы получить хотя бы малюсенькую зацепку относительно того, что меня сегодня ждет. В сумке лежит ежедневник, и, как ни удивительно, одна страница заложена ленточкой: «Четверг, 18

февраля 1999 года».

Я не могу быть на сто процентов уверена, что это сегодняшний или вчерашний день, но теперь я хотя бы примерно знаю дату. Под числом имеется какая-то надпись, сделанная моим ужасающим почерком:

8 вечера, Энди. «Зе булл»?

У меня падает сердце. Энди. Парень, с которым я когда-то пару раз ходила на унылые свидания, но затем больше не виделась. Но если я согласилась с ним встретиться, то, похоже, прошлое изменить не так-то легко.

Я включаю радио. Звуки «Give It Away» группы «Red Hot Chili Peppers» наполняют кухню, и я непроизвольно улыбаюсь. Даже забавно, сколько воспоминаний способна оживить музыка. Первое, что всплывает в памяти, – это то, как мы с Эдом и друзьями танцевали в моем любимом университетском инди-клубе.

Песня кончается, я прислушиваюсь в надежде узнать, какое сегодня число. В ванной шаркает ногами Джейн, а следовательно, она скоро появится на кухне и мне придется делать вид, будто все нормально. Наконец ведущий объявляет перерыв на выпуск новостей.

– Итак, новости на четверг, восемнадцатое февраля, – говорит он.

Я совсем падаю духом. Выходит, сегодня действительно четверг, а значит, вечером я встречаюсь с Энди. Но я отнюдь не уверена, что смогу это выдержать. Во-первых, после стольких лет в браке с Эдом я вряд ли смогу поцеловать чужого мужчину, что, несомненно, еще одна головная боль. А во-вторых, я не сумею симулировать нежные чувства к кому-то другому, когда мое сердце разбито и я тоскую по Эду. И по-прежнему люблю его. Тогда как, спрашивается, мне удастся пройти через это испытание и притвориться, будто ничего страшного не происходит?

Ну да ладно, об этом я подумаю позже. А сейчас нужно решить первоочередные задачи: попробовать вести себя так, чтобы у Джейн не возникло повода для подозрений, и определить, где и когда я должна быть на работе.

В этот момент дверь ванной распахивается и оттуда показывается лицо Джейн.

– Доброе утро, – улыбается она. – Ты что, делаешь кофе?

– Да, только... – Я показываю рукой на остывающий чайник и улыбаюсь. – Прости, немножко задумалась. Сейчас приготовлю.

– Спасибо, Зо. – Она смотрит на часы на микроволновке. – А ты разве не опаздываешь?

Я тоже бросаю взгляд на часы. Сейчас 7:50. Даже не знаю, что сказать. Опаздываю куда?

– Э-э-э, похоже, что так.

Джейн хмурится:

– Зо, ты в порядке?

– Да-да, конечно. Все отлично, – мямлю я. – Просто... я забыла, к которому часу мне сегодня на работу.

Она озадаченно смотрит на меня, затем ее лицо проясняется.

– Разве Мадлен не пригласила тебя сегодня на интервью до начала рабочего дня? Насчет вакансии младшего копирайтера?

Буквально через секунду воспоминания, точно в игровом автомате, прокручиваются и встают на место, но, пока мой мозг напряженно работает, Джейн сверлит меня подозрительным взглядом, отчего мне становится не слишком уютно. Ну конечно же! Первые несколько месяцев жизни в Лондоне я трудилась на добровольных началах. Работа моя не оплачивалась, поэтому по вечерам приходилось стоять за стойкой бара, чтобы наскрести денег на аренду квартиры. Но когда освободилась должность младшего копирайтера, моя начальница Мадлен, решив, что я уже вполне созрела, предложила мне попробовать свои силы. В преддверии судьбоносного разговора я ужасно

волновалась и дергалась. Поэтому нет ничего удивительного, что Джейн решила, будто у меня поехала крыша.

– Блин! Ну конечно! – подпрыгиваю я.

И опрометью несусь в ванную. Я, естественно, не помню, на какое время назначена встреча, но рабочий день начинается в 9:30, значит, мне надо быть там не позднее 9:00. С учетом расстояния до метро, дорога от квартиры в Тафнелл-Парке до Камдена, где расположен мой офис, занимает сорок минут, и это еще в удачный день, если автобусы и поезда приходят по расписанию. А мне нужно успеть принять душ, одеться и придумать, что я буду говорить на интервью. На все про все остается лишь полчаса.

Нельзя терять ни минуты.

В результате я появляюсь в офисе на пять минут раньше. Я взмокла и насквозь пропотела, дешевые туфли на высоком каблуке, от которого я отвыкла, натерли ногу; тем не менее я на месте, и, надеюсь, вовремя. Даже спустя четырнадцать лет я сразу узнаю нужный дом. Монструозное здание, построенное в 1960-х годах, на деловой улице. С вечно замызганными окнами, грязными полами с многолетними следами пролитых жидкостей, капризным лифтом, работающим от случая к случаю, и тяжелой входной дверью, которая противно скрипит. Странно, что после стольких лет я помнила все до мельчайших подробностей. Даже забавно, какие вещи иногда застревают в памяти.

И вот я на лестничной площадке. Пришлось преодолеть три лестничных пролета, поскольку воспользоваться лифтом я все же не рискнула. Сделав глубокий вдох, я направляюсь к кабинету Мадлен и стучу в дверь.

– Войдите! – раздается в ответ жизнерадостный голос.

Я рада, что придется иметь дело с Мадлен. Она славная и относится к той категории людей, которые служат живым опровержением теории о том, что пробиться в начальство способны лишь законченные стервы. Мадлен никогда не держит камня за пазухой, не повышает голоса, не позволяет себе резкостей, но всегда получает желаемое. Она честно заслужила уважения всех, кто на нее работает.

- Привет, Мадлен. - Я протягиваю руку для рукопожатия.

- Ой, что за глупости! К чему такие формальности?! - Она показывает мне на пластиковый стул напротив нее.

Я опускаюсь на жесткое сиденье и напряженно выпрямляю спину.

- Зои, не стоит так нервничать. Интервью - это пустая формальность. Ты делаешь эту работу последние несколько месяцев и прекрасно справляешься. Я в тебе абсолютно уверена, мне только хотелось узнать, есть ли у тебя какие-нибудь вопросы.

Немного расслабившись, я пытаюсь пораскинуть мозгами в поисках уместного вопроса, но ничего толкового на ум не приходит.

- Э-э-э... вроде бы нет, - тупо бормочу я.

- И что, ты даже не хочешь узнать, сколько мы собираемся тебе платить? - коварно улыбается Мадлен.

Я улыбаюсь в ответ:

- Что ж, это мне явно не помешало бы знать.

- Боюсь, для начала не слишком много, но, надеюсь, потом будет больше. Как тебе зарплата в восемнадцать тысяч, с прибавкой через три месяца, если все пойдет нормально?

- Замечательно, - киваю я. - Спасибо.

- Вот и хорошо. - Она хлопает в ладоши. - На том и порешим. Так ты с нами?

- Конечно. Это будет чудесно. Спасибо.

Если честно, я веду себя как форменная идиотка, но мне наплевать. Я счастлива, что все прошло более или менее гладко.

Я собираюсь пожать Мадлен руку, но она внезапно встает из-за стола и обнимает меня. Ее мягкие волосы щекочут мою щеку, от нее пахнет ее любимыми мускусными духами.

- Отлично, Зои. Мне кажется, ты будешь блестящим специалистом.

У меня на глаза наворачиваются слезы. Ведь именно благодаря этой вере, которую Мадлен сегодня в меня вселила, я смогла подняться так высоко по служебной лестнице. Да и вообще, я ей многим обязана.

- Хорошо, а теперь за работу, - ухмыляется Мадлен. - Позже я всем сообщу, что ты наша новая девушка.

- Спасибо, Мадлен. - Я выхожу из кабинета и направляюсь к своему рабочему месту.

Офис по-прежнему пустой. Я включаю компьютер. Это оригинальный iMac, округлый, гладкий и прозрачный. Мой фиолетовый, но в офисе на столах стоят и синие, и оранжевые, и зеленые. В 1999 году такие компьютеры наверняка считались последним словом техники, но на взгляд человека, живущего в 2013 году, это всего лишь доброе, славное ретро.

Запустив компьютер, я иду приготовить себе чашку чая. Выглядываю в окно, несколько минут смотрю через грязное стекло на машины, медленно ползущие по Камден-роуд, и гадаю, где сейчас Эд. И от этой мысли у меня начинает кружиться голова. Потому что факт остается фактом: где-то там, среди нагромождения домов, в потоке машин и людей, находится мой Эд, целый и невредимый, он живет своей жизнью, не ведая о любви, счастье и сердечной боли, что приготовило для него будущее.

Воспоминания захлестывают меня с такой силой, что кружится голова. Если брать за точку отсчета сегодняшний день, то последний раз я видела Эда восемнадцать месяцев назад, в наш последний день в университете. Мы продолжали жить в одном доме до самого выпуска, но я скрывала от Эда свои чувства. Он никогда не встречался с девушками дольше одного месяца, и, хотя мне было невыносимо больно видеть Эда с другими женщинами, я заперла свое сердце на всякий замок, и мы с ним оставались просто друзьями. Ведь дружба -

это лучше, чем ничего, решила я.

После окончания университета мы договорились – причем на полном серьезе, – что будем постоянно встречаться. Но беда в том, что жизнь вносит свои коррективы. Мне пришлось на несколько месяцев вернуться домой в Донкастер, чтобы заработать немного денег. Жить с мамой, папой и Беки было не так уж плохо, но я жаждала переехать в Лондон, о котором всегда мечтала.

И вот через год, в марте 1998-го, мы с Джейн наскребли денег на переезд и наслаждались каждой минутой нашей новой жизни, хотя и остались без гроша в кармане.

Лишь одна вещь меня тревожила. С тех пор как мы покинули наш дом, в котором жили во время учебы в университете, от мальчиков не было ни слуху ни духу. Если честно, от Роба и Саймона я ничего другого и не ожидала – даже в лучшие времена они не всегда были с нами в контакте, – однако смириться с радиомолчанием Эда оказалось тяжелее всего. Хотя, по идее, тот факт, что Эд ушел из моей жизни, должен был помочь мне выкинуть его из сердца и двигаться дальше. Впрочем, в какой-то степени именно так и произошло. И все же, по правде говоря, я скучала по Эду. Скучала по его смеху, скучала по его лицу, а больше всего – по его манере меня поддразнивать, иногда довольно безжалостно.

– Позвони его маме, узнай, где он сейчас, – посоветовала Джейн, когда я рассказала ей о своих переживаниях.

Но это было абсолютно исключено. Оставалось только надеяться, что судьба рано или поздно снова сведет нас.

– Судьба, – закатила глаза Джейн. – Человек сам хозяин своей судьбы. Перестань валять дурака и просто позвони.

Однако я никак не могла заставить себя это сделать. Последний раз я разговаривала с Эдом восемнадцать месяцев назад и теперь понятия не имела, где он сейчас.

И тут меня осеняет, что я совершенно точно знаю, где он. И совершенно точно знаю, когда он мне позвонит. Я проверяю время. Осталось лишь несколько часов,

если все будет, как в прошлый раз.

Мое сердце замирает в радостном предвкушении. И одновременно в глубине души возникает острое чувство разочарования. Ведь если я права, это означает, что в прошлый раз, несмотря на мои отчаянные усилия, ничего не изменилось и все идет по накатанной колее. Мы с Эдом по-прежнему не вместе, по крайней мере на данный момент.

Я открываю холодильник и достаю молоко. Принюхиваюсь. Вроде нормальное. Наливаю молоко в чай, вынимаю чайный пакетик и возвращаюсь на свое рабочее место. Появляется девушка, когда-то сидевшая за соседним столом. Я судорожно пытаюсь вспомнить ее имя.

- Доброе утро, - бормочу я и сажусь за компьютер, втайне надеясь, что она не станет втягивать меня в разговор.

- Привет, Зои, - отвечает она. - Ты в порядке?

- Угу, все хорошо, спасибо. - Я вспоминаю о правилах приличия. - А ты?

- Да, отлично. Правда, сегодня немного припозднилась. И умираю хочу кофе. Тебе налить?

- Нет, спасибо, у меня уже есть. - Я смущенно поднимаю свою чашку. - Прости.

Она улыбается, вскакивает с места и исчезает на кухне, а я тем временем пытаюсь сообразить, чем мне сейчас надо заняться.

Утро проходит на удивление быстро. Я нахожу свои рабочие материалы, Мадлен делает объявление насчет моей новой должности, все меня поздравляют. Я вежливо отвечаю, стараясь особо не вдаваться в подробности. Наступает обеденный перерыв. Конечно, я бы не отказалась от сэндвича, но сейчас мне не до перекусов. Я сижу, нетерпеливо барабаня пальцами по письменному столу в ожидании телефонного звонка.

И вот телефон наконец пробуждается к жизни. Едва не упав от волнения со стула, я снимаю трубку дрожащей рукой:

- Алло?

- Добрый день, не подскажете, с кем я могу переговорить насчет кулеров для воды?

Я слышу хорошо знакомый низкий голос и чувствую, как у меня по спине бегут мурашки. Но как ни в чем не бывало продолжаю разговор, соблюдая правила игры.

- Боюсь, вам нужна Лиззи, секретарь. К сожалению, ее сейчас нет на месте.

- А вы, случайно, не в курсе, когда она вернется?

- Эд, это ты?

- Да-а-а? - настороженно спрашивает он.

- Это я, Зои. Зои Морган, - добавляю я на всякий случай.

- Боже мой, Зои! - Он вроде обрадовался, и на том спасибо. - Поверить не могу!

- Я тоже. Как поживаешь?

- Хорошо, очень хорошо. А ты? Как дела?

- Отлично. Сегодня получила новую работу.

- Чудесно!

- Спасибо, я на седьмом небе от радости. - Я замолкаю, не зная, о чем говорить дальше. Пауза неприлично затягивается, и мне кажется, будто Эд слышит, как на другом конце телефонной линии колотится мое сердце. - А ты сейчас где?

- В Лондоне. В Брикстоне. А ты?

- Я работаю в Камдене. Ну а живу в Тафнелл-Парке. С Джейн.

– Ты серьезно? Черт, последний раз, когда я ее видел, она готова была лизаться с первым встречным.

– Джейн никогда себе такого не позволяла!

– Еще как позволяла. Ой, за исключением меня, естественно. – Эд смущенно замолкает. – Честно говоря, даже странно, как это она могла обо мне забыть.

– Ну ты и сволочь! Нет, Джейн замечательная, и мы обожаем нашу квартиру. Жить вместе ужасно весело, и Лондон нам тоже нравится, хотя мы не сразу смогли перебраться сюда. Но сейчас все зашибись и... – Я останавливаю словесный поток, которым пытаюсь заполнить неловкую паузу.

– Что ж, звучит впечатляюще, – произносит Эд и продолжает без прежней уверенности: – Я вот тут подумал, может, встретимся? Пропустим по стаканчику.

На линии возникают помехи, я слышу его дыхание. Повисает напряженная тишина, и у меня начинает стучать в висках.

– Когда?

– Э-э-э... У тебя наверняка уже есть определенные планы, но все-таки, как насчет сегодняшнего вечера?

Я улыбаюсь. Голос у Эда испуганный, так что не стоит тянуть с ответом.

– Очень мило с твоей стороны.

– Мило?

– Да, мило. А чем тебя не устраивает это слово?

– Ну, оно немного... банальное.

– О'кей. Давай по-другому. Это было бы славно. Потрясающе. Грандиозно. Так лучше?

– Да, намного.

– Отлично. Итак, хм, куда ты хочешь пойти?

– Сохо подойдет?

– Идеально. Часов в семь?

– Значит, в семь. Буду ждать тебя у паба «Голова Шекспира», это в начале Карнаби-стрит.

– О'кей. Здорово. Увидимся позже. – И, не дав ему возможности передумать, я дрожащей рукой вешаю трубку.

После разговора с Эдом я вновь чувствую себя взволнованным подростком в предвкушении первой любви. Да, я по-прежнему ничего не понимаю, за исключением того, что мне дали возможность заново прожить дни, имевшие принципиальное значение в становлении наших с Эдом отношений. Это день, когда мы только познакомились, и день, когда я застала его с другой после нашего первого поцелуя. И теперь я должна оптимально использовать предоставленный мне шанс. Ведь наверняка в нашем прошлом найдется какой-то момент, который я смогу изменить.

Вторая половина дня тянется бесконечно. Стрелки часов над дверью практически не двигаются, минуты кажутся часами. Я уже в трехсотый раз читаю один и тот же текст, но не могу уловить смысл. И чтобы убить время, болтаю с Анной – девушкой, сидящей за соседним столом, чье имя мне удалось вспомнить, когда к ней обратился один из сотрудников, – о том, что они с ее парнем будут делать в ближайший уик-энд. Она что-то говорит о художественной выставке в Хокстоне, но я слушаю ее вполуха. Мои мысли заняты предстоящим свиданием с Эдом.

И вот наконец, когда, казалось, прошла целая вечность, стрелка часов, словно нехотя, приближается к цифре «6». Все, можно уходить.

Дорога до Оксфорд-Серкуса займет у меня меньше часа, поэтому для начала я, подняв с пола сумку, бегу в туалет. Туалет производит жуткое впечатление.

Голая лампочка под потолком, с ее безжалостным светом, зеркала сплошь в черных точках, отбитая плитка на стенах и отвратительный запах, с которым не в силах справиться ядерный освежитель, щедро разбрызгиваемый уборщицей. Но сегодня я не обращаю на это внимания.

Я роюсь в сумке в поисках блеска для губ, туши и расчески. С этим особо не разбежишься, но мне хватит. Встав перед зеркалом, я неожиданно понимаю, что впервые за весь день получила возможность хорошенько себя разглядеть. Мои волосы – прямые, слегка вьющиеся на концах и по-прежнему очень темные – коротко подстрижены; стрижка придает лицу некоторую округлость, делая его моложе: явно не тот эффект, которого я добивалась в свои двадцать четыре. Я вспоминаю, как мучилась, выпрямляя непокорные кудри феном, ведь в те времена еще не было выпрямителей для волос, и мне даже становится себя немного жаль. Да, выпрямитель для волос мне сейчас определенно пригодился бы, чтобы по-быстрому навести красоту.

В качестве последнего штриха я наношу еще один слой блеска для губ – совершенно бесполезное занятие, поскольку, пока я буду добираться до места, блеск сотрется, – и открываю дверь. Я иду знакомым маршрутом мимо супермаркета «Сейнсбери», мимо убогих магазинчиков с выставленными на тротуаре в тщетной попытке привлечь внимание прохожих товарами: швабрами, ведрами, пластиковыми коробками, кухонными полотенцами, кастрюлями, рожками для обуви. Неожиданно солнце скрывается за свинцовыми тучами, понимается ледяной ветер, мне становится зябко в тонком пальто, а ноги отчаянно мерзнут в туфлях на шпильке, которые я надела в честь интервью. Ветер разносит по улице клочки бумаги, бомж, сидящий на пороге очередной лавки, кутается в грязное одеяло. Мама наверняка сказала бы: «Похоже, сейчас пойдет снег».

Я продолжаю идти, низко опустив голову, к станции метро, ветер безжалостно треплет волосы. К тому времени, как я оказываюсь у входа в метро, начинается дождь. Видок у меня еще тот. Такое впечатление, будто я продиралась сквозь живую изгородь, но мне наплевать: единственное, о чем я могу сейчас думать, – это о встрече с Эдом.

Я спускаюсь по эскалатору, уставившись невидящими глазами на развешенные вдоль стены постеры, и выхожу на платформу. Со всех сторон меня обтекают спешащие куда-то люди, но я никого не замечаю вокруг. Воздух в туннеле со свистом завихряется, приближается очередной поезд. Двери открываются, я

вхожу в вагон, где, зажатая чужими телами, мерно покачиваюсь, держась за поручень, в такт движению. И стараюсь ни о чем не думать.

Поезд прибывает на станцию «Тоттенхэм-Корт-роуд», я выхожу. У меня еще есть в запасе двадцать минут, и я решаю, несмотря на ненастье, пойти пешком по задворкам Сохо. Быстрым шагом я иду по узким улочкам, волосы развеваются во все стороны, в голове полный сумбур. Когда я наконец подхожу к черно-белому зданию универмага «Либерти» в начале Карнаби-стрит, где мы в свое время частенько встречались после работы пропустить по стаканчику, у меня начинает стучать в висках и перехватывает дыхание. Я пришла на пять минут раньше и теперь могу сбавить темп, чтобы не выдать своего нетерпения. Ведь Эд, так или иначе, не знает, что будет дальше. Не знает, что мы полюбим друг друга и станем парой. Что я обожаю читать в ванной, а утром, пока не выпью двух чашек кофе, ко мне лучше не подходить; он никогда не видел меня голой; не видел, как я плачу у него на груди в поисках утешения. Да, в отличие от меня, он ничего этого не знает, поэтому я должна быть предельно осторожной.

Я терпеливо жду, вглядываясь в толпу, и наконец обнаруживаю Эда. Он идет знакомой легкой походкой в сторону пешеходной улицы. Густая прядь падает на глаза, джинсы на коленях продраны. Он выглядит таким красивым, таким молодым, что начинает щемить сердце.

Мой Эд.

И вот он уже стоит рядом, его лицо расплывается в широкой улыбке, и мне на миг кажется, будто солнце выглянуло из-за туч.

- Привет, красотка! - Он крепко обнимет меня.

- И тебе привет. - Я улыбаюсь и оглядываю Эда с головы до ног. - Дай-ка посмотреть на тебя. Боже, ты так повзрослел!

- Повзрослел?! Надо же, а я и не знал! - Промелькнувшая в его глазах грустинка тут же исчезает.

- Ну и куда пойдём? - спрашиваю я. - Я замерзла как собака.

– Давай для начала немного выпьем, а там видно будет. – Он тащит меня в паб «Голова Шекспира».

Моя рука в его руке, и я на седьмом небе от счастья.

Мы ныряем в полумрак паба и, хихикая, точно дети, толкаем дверь. Обшарив глазами зал, я направляюсь к свободному столику в углу. Эд отпускает мою руку, и это ужасно обидно.

– Ну ладно, что будешь пить? – Я запихиваю сумки под стол и поворачиваюсь к барной стойке.

– Не глупи, я закажу. Тебе чего?

– Ты уверен? Здесь довольно дорого... – начинаю я и осекаюсь.

– Естественно. Но, думаю, я вполне могу позволить себе угостить девушку.

– Да, прости, прости. Я не хотела... – (Эд, в отличие от меня, пока не знает, что в нашем совместном будущем мне придется платить за выпивку и все остальное, поскольку он окажется не слишком-то кредитоспособным.) – Мне джин-тоник, без лимона.

– Будет сделано. – Эд с шутливым поклоном направляется к стойке.

Оставшись на пару минут в одиночестве, я пытаюсь успокоить расшалившиеся нервы. Наша встреча дает мне сильнейший эмоциональный импульс, хотя Эд понятия не имеет, насколько в данную минуту я счастлива. Ведь кто я для него? Подружка, с которой он целовался несколько лет назад. А вот он для меня – буквально все. Все, что я потеряла.

Пока Эд ждет у барной стойки, я пристально за ним наблюдаю. Его лицо кажется до боли знакомым, мне сейчас трудно поверить, что я начала его забывать. Высокие скулы, красиво очерченные мягким светом ламп. Ярко-синие глаза в обрамлении длинных ресниц, и пока никаких гусиных лапок в уголках. Как и у меня, они появятся позже. Под глазами залегли легкие тени, да и вообще, вид немного усталый. На щеках и подбородке двухдневная щетина, тонкая морщина

на лбу.

Когда подходит очередь, Эд с улыбкой облакачивается на стойку, и я забываю обо всем на свете. Мой взгляд скользит по его спине и останавливается на упругих ягодицах, скрытых под мешковатыми джинсами. Я вспоминаю, как вцеплялась в них, когда мы занимались... Боже мой, Зои, сейчас же прекрати! Меня бросает в жар от нескромных мыслей, я поспешно отвожу глаза, пытаюсь прийти в себя.

Эд возвращается к столу, в одной руке у него джин с тоником, в другой – бокал красного вина.

– Ты что, больше не пьешь пива? – Я киваю на бокал с вином, пытаюсь скрыть смущение. Мне кажется, будто меня застучали за чем-то не слишком непристойным.

– Не-а. Впрочем, пиво мне никогда особо и не нравилось. Вот красное вино – это действительно вещь. – Эд с довольной усмешкой делает глоток.

– Как мило! – Ничего более умного мне пока не приходит в голову.

Я ужасно нервничаю, что, конечно, нелепо. Ведь это Эд, с которым я знакома много-много лет, с которым делила постель, прожила жизнь... Разве можно его стесняться?!

– Итак, как твои дела? Что новенького? – спрашивает он.

– Со времени нашей последней встречи? Ну, я переехала в Лондон и, как уже говорила, съехала с Джейн. Мы вместе снимаем квартиру.

– Ха! Не сомневаюсь, у вас там весело.

– Так оно и есть, хотя квартирка размером с почтовую марку. Дом, что мы снимали в универе, по сравнению с ней кажется дворцом. Но жить вместе с Джейн здорово. Что касается меня, то я трудилась на добровольных началах в отделе маркетинга, а сегодня наконец официально принята на работу.

– Ой, а я и забыл! Нужно срочно выпить шампанского, обмыть твою новую должность.

– Боже мой, нет! Мой бюджет этого не выдержит, – говорю я и останавливаюсь.

Надеюсь, я не слишком его обидела, предположив, что шампанское ему тоже не по карману? И почему мне так трудно разговаривать с Эдом? Да потому, что ты еще не успела прожить с ним пятнадцать лет, идиотка!

– Ну, похоже, у тебя все зашибись, – произносит Эд. – Хотя кто бы сомневался, мисс Я-Не-Пойду-Гулять-Пока-Не-Сделаю-Домашнее-Задание?!

Он говорит это с улыбкой, и я не могу на него обижаться. Ведь он абсолютно прав. Я действительно очень много работала и была для всех самой настоящей занозой в заднице.

– Ну, спасибо на добром слове. А как насчет тебя? Что поделяваешь?

– Да ничего особенного. После универа шесть месяцев путешествовал. Понимаю, это банально, но я не знал, чем заняться. Затем пару месяцев жил с мамой. Я ее, конечно, люблю, но она жутко меня бесила, так как все пыталась мной руководить. Поэтому я решил попытать счастья в Лондоне. Теперь живу один в крошечной студии в Клэпхеме, с кроватью, похожей на рисовый пудинг, занимаюсь дерьмовой работой: продаю кулеры для воды компаниям, желающим установить их в своем офисе, а потому сплю и вижу, как бы послать все это подальше. Если честно, я рассчитывал заниматься совсем другим после универа.

– А позволь спросить, чем именно? – В моем голосе неожиданно появляется металл, и Эд бросает на меня удивленный взгляд.

– Ну, я полагал, что с дипломом, пусть даже дерьмовым, специалиста в области геологии без труда смогу найти себе работу по душе. Но беда в том, что я и сам толком не знаю, какая работа мне по душе. Пока еще не знаю.

– Что ж, ты не так давно получил диплом. У тебя впереди еще куча времени. Может, если перестанешь себя жалеть, то сумеешь найти что-нибудь подходящее.

– Ух ты! Ты посмотри-ка! И откуда только что взялось?!

– Извини, я не хотела быть такой резкой. Просто... – Я умолкаю и начинаю вертеть в руках подставку под пивную кружку, понимая, что не имею права вымещать на Эде, который меня почти не знает, свое разочарование, накопившееся за последние пятнадцать лет. Если я начну на него давить в самом начале наших отношений, то куда это нас заведет? – Я только хотела сказать, у тебя много талантов. Нужно только пораскинуть мозгами, как лучше их применить, и у тебя все получится.

– Например? – Он подпирает рукой подбородок и выжидающе смотрит на меня.

– А что у тебя с музыкой? Тебе ведь нравилось играть на гитаре. Почему бы не стать учителем?

Эд пожимает плечами:

– Это, конечно, вариант, но я не настолько хорош.

– Тогда попробуй себя в кулинарии. В универе ты всегда любил готовить для нас обеды. Может, тебе стоит поискать что-нибудь, связанное с едой. Или с садоводством. Что-то практическое. Ведь ты всегда знал, куда приложить руки. – Поняв двусмысленность последнего заявления, я густо краснею. – Ну, я не знаю. Я вовсе не собираюсь учить тебя жизни, но есть много вещей, в которых ты разбираешься. Выбери что-нибудь из них. И тебе наверняка понравится. Нужно только пробовать.

Закончив свою пламенную речь, я слежу за реакцией Эда. Ему явно весело, и он на меня ни капельки не сердится, чего я в глубине опасалась, поскольку зашла слишком далеко.

– Ну и что тут смешного?

– Ой, да ничего, Зо! Тебя послушать, так можно решить, будто ты думала над этим даже дольше, чем я. А что, если тебе бросить свой маркетинг и стать советником по профориентации?

– Ха-ха-ха!

– Но ты совершенно права. Мне необходимо определиться, найти свой жизненный путь. И ты сможешь мне в этом помочь.

Эд говорит шутливым тоном, но я довольна, что сумела сделать хотя бы маленький шаг вперед.

– Что ж, чем смогу, помогу.

Эд придвигается чуть ближе, я чувствую тепло сильной мужской ладони, к которой мне отчаянно хочется прикоснуться. Желание это настолько всепоглощающее, что уже ни о чем другом невозможно думать. Я поспешно отодвигаюсь и начинаю вертеть в руках свой стакан.

– Ладно, хватит обо мне, – улыбается Эд. – Расскажи лучше о своем повышении.

Почувствовав наконец твердую почву под ногами, я начинаю щебетать о работе, о переезде в Лондон – одним словом, обо всем, что произошло за те восемнадцать месяцев, когда мы потеряли друг друга из виду.

– А как насчет бойфрендов? Ты с кем-нибудь встречаешься?

Я поднимаю на него глаза. Эд пристально смотрит на меня, без тени улыбки.

– Э-э-э... по-настоящему нет. Правда, как раз сегодня я собиралась пойти на свидание...

– И ты надинамила его из-за меня?

– Нет! – Я бросаю взгляд на часы. Уже девять вечера. – Хотя, похоже, да. Боже мой! Бедный Энди. Надеюсь, он не стал ждать слишком долго.

– А почему бы и нет? Я бы точно стал.

Последняя фраза будто повисает в воздухе, ни один из нас не знает, что с этим делать. Но мне в любом случае нужно задать Эду еще один вопрос, хотя я заранее знаю, каков будет ответ.

– А как насчет тебя? Ты с кем-нибудь встречаешься? – Вопрос, даже мне самой, кажется донельзя банальным.

Эд смотрит на свой бокал, задумчиво обводит пальцем край, я слышу протяжный мелодичный звук.

– Я... ну, типа того. – Он сейчас похож на нашкодившего кота.

– Типа того. – Я по мере сил пытаюсь говорить спокойно, без обиды и злости. – И что это значит?

– Просто... Я типа встречался с одной, но все... очень запутано.

– Запутано? – Боже, я начинаю повторять слова, как попугай! Зои, держи себя в руках!

Эд, тяжело дыша, тербит рукой лицо:

– О'кей, Зои, все так. Я действительно встречался с девушкой... несколько месяцев, может, пять или шесть. Мы... она... уже заговаривали о том, чтобы съехаться... – Он делает паузу и начинает барабанить пальцами по столу. Я терпеливо жду. – И я согласился. Но теперь... Зо, но теперь случилось это. – Он машет рукой, показывая на нас. – Теперь мы здесь и ну... Как я и говорил, все очень запутано. В общем, все сложно.

– И что тут такого сложного?! – немного подумав, заявляю я. – У тебя есть девушка, у вас все достаточно серьезно, причем настолько, что она искренне верит в твоё желание с ней съехаться.

Эд энергично мотает головой:

– Нет, Зои. Ты не понимаешь. Все не так однозначно. Дженни... ну... – Эд смотрит на свои лежащие на столе судорожно сжатые руки и шумно вздыхает. – Знаешь,

это ведь не простая случайность.

- Ты о чем? - хмуро спрашиваю я.

- О нашей встрече. О том, что мы сейчас здесь. Ты и я.

- Что ты имеешь в виду?

Избегая моего взгляда, Эд продолжает изучать свои руки.

- В общем, я позвонил тебе специально. Сегодня днем.

Я мучительно пытаюсь вникнуть в смысл его слов.

- Но как? Почему?

Эд смущенно пожимает плечами:

- Я просто... Я и Дженни, это... ну, это, по-моему, неправильно, что между нами встал кто-то третий, о котором я постоянно думаю... Затем... я провел некоторое расследование, нашел, где ты работаешь. А потом... ну а потом вот это.

Я упорно гипнотизирую Эда взглядом, заклиная взглянуть на меня. И наконец он поднимает глаза, с минуту мы просто смотрим друг на друга и молчим.

- Ты серьезно?

- Угу, - кивает он.

- О...

Эд отрывисто смеется ироничным смехом:

- Итак, теперь ты наверняка согласишься, что все слишком запутано. Полагаю... Ну, я полагаю, что мне просто надо с этим самому разобраться.

Я согласно киваю. В разговоре возникает мучительная пауза, которую нужно срочно заполнить. Мысли мечутся в поисках вариантов. В прошлый раз этот вечер именно так и закончился, если не считать прощального поцелуя. Тогда мне хотелось поступить по совести, что я и сделала. А что, если уже пора брать быка за рога? Ведь я для него не просто очередная подружка, и мы так или иначе будем вместе – уж кто-кто, а я это точно знаю. Тогда почему бы мне сейчас не сказать: «Давай не будем все усложнять» – и не остаться с ним? Возможно, это мой последний шанс.

Но только я собиралась открыть рот, как Эд отодвигает стул и встает.

– Мне, пожалуй, надо еще выпить. Тебе повторить? – Он кивает на мой пустой стакан.

– С удовольствием.

Я провожаю его глазами. И представляю, как подхожу к нему, обнимаю за талию, прижимаюсь губами к мускулистой шее. Другие именно так и сделали бы. Например, Джейн. Но я знаю, что это будет неправильно. Более того, Джейн, учитывая ее послужной список, вряд ли является образцом поведения в том, что касается взаимоотношения полов. И тут я чувствую укол вины. Ведь Джейн – моя лучшая подруга.

Эд возвращается с полными стаканами.

– Ладно, проехали, – уже более уверенно говорит он. – О чем мы беседовали до того, как зашли в тупик?

Обстановка, слава богу, слегка разрядилась. Я улыбаюсь и наклоняюсь к Эду. Следующие несколько часов мы предаемся воспоминаниям о наших друзьях и родственниках. Я счастлива снова сидеть рядом с Эдом, забыв о грузе прежних ошибок. Если честно, я скучаю по такому Эду. Ведь мы так давно не общались с ним без явного подтекста, когда оба во избежание очередной ссоры не решали проблемы, а лишь ходили вокруг да около.

Звон колокольчика, и бармен кричит:

- Последние заказы!

Я вскакиваю с места и обвожу глазами полупустой бар. Черт, я совершенно пьяная, и комната плывет перед глазами!

Эд смотрит на часы.

- Упс! - Он улыбается кривоватой улыбкой. - Похоже, для обеда уже слегка поздновато.

- Да, уже поздновато.

- Наверное, мне стоит проводить тебя домой.

- Ладно, там будет видно.

Ужасно не хочется, чтобы вечер кончился, по крайней мере так быстро, но, поскольку мне не удалось решить, как быть дальше, я послушно встаю, надеваю пальто и, слегка покачиваясь, поднимаю с пола сумку.

- Ой-ёй-ёй! - пьяно ухмыляюсь я.

Эд хватается за руку и тащит к двери. На улице ледяной холод, и, пока мы стоим в растерянности у паба, наше дыхание превращается в облачка пара.

- Я провожу тебя домой, - говорит Эд и с лукавой улыбкой добавляет: - А там уложу спать.

- Не глупи. Ты живешь на другом конце города.

- Не имеет значения. Я не позволю тебе идти одной в столь поздний час. Ничего, как-нибудь доберусь.

Мы идем рука об руку к метро, а в вагоне садимся рядом. Поезд с грохотом мчится в туннеле, и я гляжу на наше отражение в окне напротив. Мы смотримся как самая обычная пара, и меня пробирает нервная дрожь. Если бы!

Эд всю дорогу держит меня за руку. Поезд медленно подъезжает к станции «Тафнелл-Парк», мы встаем и выходим. У меня голова идет кругом при мысли об имеющихся возможностях. В прошлый раз мы попрощались, и я сказала, что подожду, пока он не разберется со своей личной жизнью. На сей раз у меня от джина явно произошло размягчение мозгов, в результате чего я так и не смогла принять решение. Я поворачиваюсь к Эду:

- Тебе не стоит провожать меня домой. Уже поздно. Ты опоздаешь на поезд.

Эд смотрит на часы на табло. Уже 23:36. Он кивает, но не двигается с места.

- Чудесный вечер. Я получил огромное удовольствие, - говорит он.

Он наклоняется ко мне, его губы касаются моих. Затем отстраняется и смотрит на меня, словно спрашивая разрешения. Я едва заметно киваю. Тогда он снова меня целует холодными губами, и мне кажется, будто я вот-вот потеряю сознание. Платформа совершенно пустая, но, даже если бы здесь была толпа народу, я все равно не обратила бы внимания. Есть только я и Эд, и больше никого в этом мире.

Наконец он меня отпускает.

- Итак? - В этом коротком слове мне слышится не один, а несколько вопросов.

И тут я принимаю решение. Я едва заметно качаю головой, но Эд сразу все понимает.

- Прости, Эд. Я не могу. Не сейчас. Так неправильно.

- Ты права. Разумеется, - соглашается он.

Порывшись в сумке, я нахожу шариковую ручку с жеваным колпачком, беру Эда за руку и пишу у него на ладони номер своего телефона:

- Позвони, когда сможешь, хорошо?

Эд молча кивает, а я резко поворачиваюсь и, зажав волю в кулак, быстро иду прочь. Оглянувшись, я вижу, что он смотрит мне вслед. Мне сейчас тяжело, как никогда, – кто знает: увижу ли я Эда снова? – но я все сделала правильно.

Вернувшись домой, я ложусь в кровать и даю волю слезам. С болью вспоминаю, как Эд уходил от меня, как мне хотелось вцепиться в него и больше никогда не отпускать. Не отпускать до конца жизни.

Но вот слезы постепенно высыхают, я медленно погружаюсь в сон и думаю о том, что принесет мне завтрашний день.

Глава 4

5 июня 1999 года

Пока на кухонном столе остывает чашка чая, я прислушиваюсь к тому, как Джейн бродит по комнате. Скоро она появится здесь, и мне хочется насладиться последними минутами одиночества.

Проснувшись сегодня утром, я поняла, что все опять повторяется, и меня охватило радостное возбуждение. Еще один день с Эдом. Когда в часы отчаяния после смерти Эда я умоляла Господа дать мне еще хоть немного побыть с мужем, то отчетливо представляла себе, что буду говорить и делать в эти короткие минуты: я скажу ему, что сожалею, что безумно люблю его и всегда буду любить. Я представляла себе, как буду обнимать, целовать, ласкать Эда – одним словом, делать все то, что больше не могу. И вот теперь мечты сбываются.

Мои губы невольно расплываются в улыбке.

– С чего это ты сияешь, как блин масляный? – Джейн, шаркая ногами, входит на кухню; волосы растрепаны, взгляд мутный. Она с трудом сдерживает зевок.

– Да так, ничего. Черт, ты выглядишь ужасно!

– Спасибо. И чувствую себя, как ходячий мертвец, – хмыкает она и бросает на меня подозрительный взгляд. – В отличие от тебя. Что это ты с утра такая живенькая?

– А разве непременно нужна какая-то причина?

Причины действительно нет, по крайней мере пока.

Джейн удивленно поднимает брови.

– Ты, случайно, не... – она косится на дверь моей спальни, – привела к себе мужика?

– Нет, ничего подобного. Просто я очень рада тебя видеть. Само собой, – ухмыляюсь я.

Джейн берет подушку и целится мне в голову. Я уворачиваюсь, и подушка, чудом не задев лампу, падает на пол.

– Кофе. Умираю хочу кофе. – Джейн достает из шкафчика банку растворимого кофе и насыпает в кружку.

– Давай сварю тебе человеческого кофе. – Я соскакиваю с табуретки.

Она смотрит на меня так, будто не узнает, но в результате лишь пожимает плечами:

– Ладно. Спасибо.

А потом плюхается на табуретку и кладет голову на сложенные на столе руки.

– Ну а ты чем занималась прошлой ночью? – В качестве отвлекающего маневра я гремлю ложками. Надеюсь, Джейн все-таки прольет свет на то, что происходит.

– Ты имеешь в виду, после твоего ухода? – хмурится Джейн.

Вот дерьмо!

– Ну да, конечно. Ты что, еще куда-нибудь зарулила?

– После обеда мы с Томом отправились в клуб «Тёрнмиллз». Полный отстой. Поэтому мы пробыли там не больше часа. А затем... ну... он пошел домой. Один. Снова.

Господи, только не Том! Мало того что Том был редкостным говнюком, он безобразно обращался с Джейн, которая встречалась с ним где-то около года. Том постоянно ее унижал и мог бросить в любой момент, словно она ярмо у него на шее. Оказалось, одновременно с ней он встречался с кем-то еще, но, к сожалению, это обнаружилось слишком поздно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23112171&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/kler-svotmen/prezhde-chem-ty-uydesh-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)